

(с) нежные
сказки

Наталья Лакота

ФЕЯ
ПРИДЕТ

ПОД НОВЫЙ ГОД

Наталья Лакота

Фея придёт под Новый год

«Автор»

2026

Лакота Н.

Фея придёт под Новый год / Н. Лакота — «Автор», 2026

Под новый год все ждут прихода феи, которая исполняет заветные желания. Но у меня лишь одно желание – спрятаться, чтобы никакая фея меня не нашла. Скрываясь от короля, я приехала в провинциальный город, назвалась вымышленным именем, обманом проникла в чужой дом. Я надеялась, что это – путь к свободе. Но прошлое не желает меня отпускать, как и господин Тодеу де Синд, чьей служанкой я стала.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	49
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Наталья Лакота

Фея придёт под Новый год

Пролог

– Разыскивается за десять тысяч солидов графиня Миэль Слейтер, – прочитал по слогам один из гвардейцев, приклеивая объявление о поимке преступника, и добавил с изумлением: – Такие деньжищи за бабу? Что она могла натворить?

Сон мигом соскочил, и я замерла, вжавшись в стену. Только бы они не заметили меня... только бы не заметили...

Я сидела в каменном тупичке между двух домов и умудрилась задремать, дожидаясь расвета. Непростительно, Миэль! Ты могла проспать отправление корабля! Или тебя могли поймать, как сонную курицу!

– Ведьма, – произнес второй гвардеец со знанием дела. – Убила мужа и покушалась на самого короля.

Убила мужа... Воспоминания обрушились на меня волной.

Спальня, где графине Слейтер полагалось провести первую брачную ночь... Я сжимаю в руке тяжёлый подсвечник и отступаю к двери, глядя на бледное, неподвижное лицо мужа, лежащего в постели, украшенной розами и лилиями... Убийца, я – убийца...

Но я не покушалась на короля... Вернее, не думала, что так всё произойдёт...

– Зачем тогда за неё награда? – удивился первый гвардеец, разглаживая объявление. – Прибили бы – и делов. А тут написано, что требуется живой, не смей причинять увечий.

– Красивая, – лениво протянул второй. – Поэтому. Говорят, была любовницей короля. Найдут, а потом... прибьют. При попытке к бегству.

Гвардейцы захохотали, а я ещё сильнее вжалась в стену, хотя теперь никто не узнал бы во мне блистательную графиню Слейтер. Где платье из кружев, в котором я танцевала на празднике по случаю помолвки? Где свадебный наряд из серебряной парчи?.. Туфельки, которые украшали жемчугом и драгоценными камнями лучшие королевские ювелиры? Сейчас на мне были простая бумазейная юбка и кофта, полосатые чулки и поношенные туфли, а волосы я упрятала под чепец, не позволяя выбиться ни одной прядочке. Чтобы никто не узнал... Никогда, никто...

– На портрете как-то она не очень, – засомневался первый гвардеец. – Точно – красавица?

– Я слышал, она сложена, как богиня, – ответил второй и сплюнул. – И читай, что здесь: «Глаза зелёные, волосы золотистые, кожа белая». Для женщины большего и не надо.

Хорошо, что ещё не рассвело! И никто не разглядит, какого цвета у меня глаза!.. Но я всё равно опустила край чепца, прикрывая лицо.

– Ну да, – согласился его товарищ. – Вот бы найти её первым.

Посмеиваясь и болтая о ведьме и награде за мою голову, гвардейцы подхватили ведёрко с клеем и пошли вверх по улице, в центр города.

Когда их голоса затихли, я выглянула из своего убежища. Небо посветлело и на востоке стало розовым. Скоро рассвет, а на рассвете «Звезда морей» уходит из столичной гавани на север. Туда, где никто не станет искать графиню Слейтер – ведьму и беглую преступницу... Которая настолько дорога его величеству, что строго приказано «не причинять увечий».

Только тут я поняла, как продрогла и проголодалась. Я поднялась и запрыгала на месте, чтобы хоть немного согреться. С едой придется повременить – у меня лежала в узелке лепешка, но её лучше съесть потом, когда я буду на корабле.

С опаской я рассмотрела изображение злодейки графини Слейтер на грязном бумажном листе, криво наклеенном на стену. Совсем не похоже на меня. Срисовывали со свадебного портрета, и даже не забыли изобразить тиару и колье. Наверное, считают, что я буду разгуливать по улицам, увешанная драгоценностями.

Я сорвала объявление и порвала его, разбросав клочки, а потом побежала к пристани.

«Звезда морей» отчаливала на рассвете, и я хотела забраться на корабль в самую последнюю минуту, чтобы уже никто не смог меня остановить.

– Чуть не опоздала, малышка, – проворчал матрос, стоявший у трапа.

Я не ответила, показав проездной билет.

– Проходи, – велел матрос. – Устраивайся, где найдёшь место. К бортам не приближайся. Если тебя смоеет в море, никто и не заметит.

– Благодарю, – прошептала я, ступая на шатающуюся палубу.

Меня сразу замутило, и я поторопилась устроиться рядом с другими пассажирами, запахнув пальто и ещё ниже опустив края чепца.

– Все собрались, капитан! – гаркнул матрос, отвязывая веревки.

Я смотрела, как между кораблем и пристанью увеличивается тёмная полоса моря, и убеждала себя, что прежняя жизнь осталась позади. Мне хотелось забыть всё, что связывало меня со столицей, с моим богатым замужеством и... тем, что произошло сразу после свадьбы.

Нет, я не испытывала жалости, вспоминая о муже. Негодяй, какой же негодяй! Я заново пережила тот стыд, и страх, и ужас, когда узнала, для чего нужно было наше венчание. Ни о каких чувствах и речи не было. Миэль – ценный приз, подарок судьбы, а точнее – поросёнок, которого откармливали к Рождеству и которому чесали спинку, чтобы довольно похрюкивал.

Только я не пожелала быть поросёнком, поданным к столу под горчичным соусом. Я пожелала быть свободной. И теперь... никто меня не получит.

Море было спокойным, но и в его спокойствии я чувствовала опасную силу. До Монтроза неделя или две пути, если не помешает шторм. А потом корабли перестанут выходить в плаванье до февраля, пережидая сезон бурь. Так что попасть домой я смогу не раньше весны, и зиму мне придётся провести в Монтрозе – далеком провинциальном городишке. Ну и хорошо. Никому и в голову не придёт искать меня там. К весне я смогу подзаработать денег и уплыть туда, где живут мои родные. Они и не знают, наверное, что я жива.

Мне припомнились грубые слова гвардейцев, и я грустно усмехнулась. Любовница короля... Знали бы они, на что походила жизнь графини Слейтер. Вернее, невесты графа Слейтера. Потому что побыть его женой я успела всего один день.

Я с жадностью вдохнула солоноватый морской воздух, пропитанный запахом водорослей, и отвернулась от берега. Пусть там остаётся прежняя жизнь, а я пойду к новой жизни. И даже призрак мужа не заставит меня дрогнуть. Я всё делаю правильно. И на этот раз удача будет на моей стороне. Достав лепёшку, я принялась медленно есть, глядя вперёд, в бескрайнюю даль, где вода сливалась с небом – голубая и нежно-розовая, в бирюзовых переливах и белых барашках пены.

Теперь я свободна. Свободна!..

Рыжая кошка бесшумно вышла из-за бухты троса и покралась ко мне на мягких лапках, принюхиваясь и заранее облизываясь. Понятно, что рыжая попрошайка рассчитывала получить немного вкусной лепешки. Я отщипнула кусочек и положила на ладонь, поднеся руку к хитрой кошачьей мордочке.

– Когда мы прибудем в Монтроз? – спросила женщина из пассажиров у проходившего мимо капитана.

– Не будем загадывать, мамаша, – ответил тот уклончиво, – чтобы не спугнуть фею-удачу. А это что такое?!

Я вздрогнула, потому что его возглас относился именно ко мне. Кусочек лепешки упал на палубу, а кошка рыжей стрелой метнулась к сложенным тросам – прятаться, но была поймана юнгой и поднята за шкурку. Кошка отчаянно мяукала, сучила лапками и царапалась, стараясь вырваться.

– Вы как посмели притащить с собой зверюгу, барышня? – сделал мне строгое внушение капитан. – Ещё бы козу с собой приволокли, – и коротко скомандовал: – Кошку – за борт.

– Подождите! – вскочила я, когда юнга уже замахнулся, чтобы швырнуть кошку в воду. – Какая жестокость! Чем виновато бедное животное? Отдайте, – я отобрала кошку, и она сразу нырнула под моё пальто, ища защиты. – Кошка – не моя, – сердито обратилась я к капитану. – Но выбрасывать за борт, на верную смерть, живое существо...

– Ценю вашу доброту, – ответил он, – но не вам потом выскребать котят из всех закоулков. К тому же, – он попытался смягчить шуткой свой жестокий приказ, – так всегда поступают с безбилетными пассажирами.

– Она никому не помешает, – настаивала я, поглаживая дрожащую кошку через ткань верхней одежды. – Я буду смотреть за ней, и видно, что у неё не будет котят в ближайшие две недели.

– А проезд за неё оплатите? – вмешался один из матросов, изображая улыбку и показывая на всеобщее обозрение кривоватые жёлтые зубы.

– Если потребуется, то оплачу, – сказала я твёрдо, хотя мысленно ужаснулась, вычитая из своей скудной копилки цену на билет.

– Не надо, – бросил капитан. – Только держите свою кошку при себе, барышня. Замечу, что она шныряет по кораблю – сразу полетит за борт.

– Спасибо, – поблагодарила я, возвращаясь на место.

Кошка у меня за пазухой пригrelась и замурлыкала.

– А ты куда отправилась? – поругала я её шёпотом и подобрала упавший кусочек лепешки. – Решила поплавать, глупая? Вот сейчас бы и поплавала. На, ешь.

Но от хлеба кошка отказалась, отвернув розовый носик, и пришлось скормить кусочек чайкам, которые не побрезговали подхватить хлеб.

– Ты ещё и привереда усатая, – вздохнула я и тут нащупала на шее кошки ошейник из мягкой кожи. – Да ты сбежала из дома, – поняла я, рассматривая ошейник.

На нем не было никаких надписей, только крепилась подвеска в виде желтой птички.

– Захотелось приключений? – я почесала кошку за ушком, и она замурлыкала ещё громче. – Не подлизывайся, – велела я ей. – Имей в виду, мне некогда с тобой нянчиться. Сбежишь – и попадёшь в беду. Так что лучше сиди рядом.

Конечно же, кошка не поняла меня. Пригревшись, она позабыла об угрожавшей ей опасности, и всё время норовила удрать. А на следующее же утро, когда я проснулась, моя рыжая попутчица пропала без следа. Мне оставалось лишь сожалеть о глупышке, которую или выбросила за борт жестокая человеческая рука, или слизнула с палубы соленая волна прекрасного, но такого холодного моря.

Глава 1

Фея-удача, о которой говорил капитан, оказалась непугливой, и «Звезда морей» прибыла в Монтроз вечером, в первый день зимы. Маяк освещал дорогу, и мы уверенно вошли в бухту, а потом причалили.

Неужели, берег?.. Я, шатаясь, спустилась по сходням и сразу же села на груды каких-то деревяшек, приходя в себя.

Почти всех пассажиров встречали родные. Я смотрела, как люди обнимаются, целуются, плачут и смеются, и мне было грустно. Я смогу увидеть своих родных в лучшем случае через несколько месяцев. И всё равно никто не будет ждать меня на берегу, когда я приеду. Но от этого моя встреча с мамой и братьями не станет менее радостной.

А пока надо думать о предстоящей зиме. И о том, как добраться до какой-нибудь гостиницы. Приличной и не особенно дорогой. Потому что денег у графини Слейтер оставалось совсем мало. Но сегодня я засну – наконец-то! – на твёрдой земле, в настоящей постели. Отдохну, а завтра займусь поисками работы. Мне необходим тихий дом, где я смогу спрятаться на зиму, и добрые хозяева. И не жадные, самое главное.

Пошёл снег – первый в этом году. В столице в это время деревья ещё не сбросили листву, но Монтроз расположен севернее, и зима приходила сюда раньше.

Я подставила ладонь, любуясь легким танцем снежинок. Всё будет хорошо. Главное – я свободна. А его величество пусть ищет свою фею-удачу.

Пристань опустела, ноги у меня начали замерзать, но я никак не могла найти сил, чтобы подняться. Мне до сих пор казалось, что деревянные мостки пристани качаются подо мной. Посижу немного... ещё не так уж и поздно...

Часы на ратуше пробили семь вечера. Маяк мигнул желтым глазом и разгорелся ещё сильнее.

По сходням вразвалку сошёл капитан, заметил меня и сурово произнёс:

– А вы что тут расселись, барышня? Здесь вам не столица. Мигом отправляйтесь домой, иначе найдете приключений на свою... голову, – он замаялся на секунду, подыскивая более приличное слово.

– Меня не встретили, – сказала я, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно жалобнее. – Вы не подскажете, где здесь недорогая гостиница? Наверное, за мной приедут завтра...

– Идите по набережной, – махнул рукой капитан, глядя на меня с неодобрением. – На повороте будет трактир мамаша Пуляр, там можно переночевать юной девице. Поторопитесь. Пристань ночью – место опасное.

– Да, конечно, – прошептала я, вставая.

Землю под моими ногами опять повело, но я сделала шаг, другой и поплелась в указанном направлении.

Фонари вдоль набережной не горели, и жилых домов тут почти не было. А те, что были – больше походили на сарайчики и стояли глухой стеной к морю. Слева от меня чернели стены домов, справа колыхалось море – такое же чёрное, а между этими тёмными пятнами пролегла белая дорожка – снегопад всё усиливался, и я то и дело смахивала с ресниц налипшие снежинки. Отдохнуть, а потом – на поиски работы... Но сначала – отдохнуть... Поесть и выспаться в постели. И помыться, если совсем мечтать.

Плеск воды и тихие мужские голоса, доносившиеся откуда-то снизу, заставили меня замереть.

– Лодку держи, – расслышала я низкий, рокошущий голос – так мог бы говорить лев, если бы обрел дар человеческой речи. – Давай сюда...

Я поспешно отступила в тень дома, потому что прямо на деревянные доски улицы вылез мужчина, тащивший большой мешок. Мужчина швырнул его на землю, а сам исчез внизу. Я хотела уйти, но в это время мужчина появился опять – с другим мешком.

Вряд ли мужчина хотел, чтобы его видели. Иначе причалил бы у пристани, где горели фонари, и не надо было возиться в темноте.

Прижавшись к стене, я постаралась стать такой же незаметной, как чёрный покосившийся дом. Мужчина принёс уже третий мешок, и до меня донесся слабый, но такой знакомый аромат пряностей – это был чёрный перец. Душистый и дорогой товар. Монополия на торговлю перцем принадлежала королевской корпорации, а значит, передо мной был контрабандист. И вряд ли он обрадуется, если обнаружит свидетеля, пусть и случайного.

Я стояла, затаив дыхание. Рано или поздно, мужчина уйдет. Надо только подождать. Что-то мягкое прижалось к моей ноге... Крыса?! Я еле сдержала крик, но это оказалась не крыса, а кошка. Кошка подошла ко мне и тёрлась, выпрашивая ласки. Очень не вовремя!

– Приятно работать с вами, господин де Синд, – раздался другой голос – дребезжащий, резкий, в котором чувствовались и заискивание, и ехидца. – Всё ровненько, по плану... С вас триста солидов.

Триста солидов! Вот так цена! На эти деньги я смогла бы одна нанять целый корабль и уплыть домой. Кошка у моих ног мурлыкала всё громче, и я испугалась, как бы её мурлыканье не услышали на берегу.

– Без имён, – хмуро пророкотал мужчина, вытаскивая очередной мешок.

– Бойтесь? – хитро спросил тот, кто сидел в лодке. – Ну да, стоит мне заговорить – и все ваши богатства конфискуют, а детки отправятся просить милостыню. Все шестеро, – лодочник захихикал так мерзко, что даже мне стал противен, хотя я не видела его и ничего о нем не знала.

– Так и есть, – спокойно ответил мужчина с мешками. – Но меня ещё надо поймать, а тебя точно найдут со свернутой шеей. Не веришь?

Я не успела понять, что происходит, но в темноте началась возня, а потом кто-то захрипел, словно его... душили!..

Мне стало ещё хуже, чем от морской болезни. Прикрывая голову руками, я сползла спиной по стене дома и съёжилась в комочек. Только не убийство! Только не...

Кошка тут же забралась ко мне на колени, и я вцепилась в неё, прижимая к груди, словно она могла меня защитить – от убийц на пристани, от воспоминаний... Пальцы мои коснулись мягкого ошейника с подвеской. Подвеска в виде птички?... Неужели, это моя рыжая попутчица со «Звезды морей»?..

Тем временем хрипы прекратились, перейдя в надсадный кашель, а потом лодочник с обидой произнёс – уже без заискивания и язвительности:

– Зачем вы так? Чуть не придушили! Уже и пошутить нельзя!

– Я тоже пошутил, – добродушно рыкнул в ответ мужчина, пересчитывая мешки, и добавил совсем без смеха: – Ха-ха.

Снег всё усиливался. Он падал и таял на моём лице, на волосах, пальто стало тяжелым и влажным. Я обнимала кошку и молилась, чтобы контрабандисты скорее закончили свои грязные делишки и разбежались по крысиным норам.

– В следующий раз – как обычно, – сказал мужчина лодочнику.

– Я своё дело знаю, – хвастливо ответил тот и спросил словно невзначай: – Служанку-то нашли? А то я бы вам свою племянницу привёл – расторопная девица. Работящая и хорошенькая... И послушная...

– Обойдусь, – отрезал мужчина.

Зазвенели монеты, потом раздалось бормотание – кто-то пересчитывал деньги, долго, сбиваясь и начиная снова.

Это тоже произвело впечатление – то, что покупатель не торговался, хотя сумма была очень немаленькая. Но, учитывая аристократическую приставку «де» к фамилии, мужчина, приобретавший перец, принадлежал к высшему сословию. Для таких триста солидов – сумма, которую проигрывают за вечер в карты. Только зачем бы ему тогда промышлять контрабандой, рискуя положением и состоянием?.. Впрочем, может, всё дело было в порочной натуре. Недаром ведь фамилия контрабандиста была Синд. Грех – вот что она означала. Вряд ли кого-то из его предков называли так случайно.

Наконец, бормотанье закончилось, и лодочник удовлетворенно крикнул:

– Всё, до последнего солида, – важно сказал он. – Люблю иметь с вами дело, господин де Си... Хе-хе, простите. Но про племянницу всё-таки подумайте.

– Не нуждаюсь, – мужчина на пристани закинул мешки на спину – все шесть сразу. – Я написал в монастырь Святой Клятвы, они пришлют воспитанницу. По-настоящему работающую и послушную.

Последнее слово он выделил голосом особо. Как будто в послушании было что-то плохое.

– Так когда она ещё придет, – не сдавался лодочник, – а помощница госпоже Боните нужна сейчас.

– К новому году точно доберётся, – мужчина говорил, как рубил. – Бонита справится.

– Как знаете, – сказал лодочник, а потом раздался плеск весла.

Мужчина с мешками пересёк набережную, торопясь скрыться в переулке между домами, но в последний момент замедлил шаг, чтобы поднять упавшую шапку и поправить мешки. Небо было чёрным, но от снега исходило мягкое свечение, и я разглядела лицо контрабандиста. Я не ошиблась, сравнив его голос со львиным рыком – мужчина и внешне походил на льва. От него исходило ощущение силы, спокойной уверенности, без капли хитрой изворотливости. Высокий, широкоплечий, крепкого сложения, он шёл очень легко, с настоящей кошачьей гибкостью, хотя и нёс тяжелые мешки. Волосы у него были светлыми, почти белыми, и сбегали на плечи непокорными прядями – пышные, как львиная грива. А выражение лица, как и положено царю зверей – отстраненное, мрачно-равнодушное. У мужчины были высокий лоб, немного тяжеловатый подбородок, и прямой породистый нос, какой чеканят на монетах, чтобы придать действующему правителю по-настоящему величественный вид.

Я закрыла глаза, потому что не следует оценивать породистость профиля, встретившись с преступником ночью, нос к носу.

«Он – мелкий воришка, крадущий у государства, – мелькнуло у меня в голове, – а ты – убийца. Так что встретились два преступника, и неизвестно – какой из них страшнее».

Кошка ни с того ни с сего рванулась из моих рук. Несмело приоткрыв глаза, я обнаружила, что нахожусь на набережной совсем одна, и только тогда перевела дыхание. На улице не было ни людей, ни зверей. А снегопад всё усиливался. Я вскочила, стряхивая снег с воротника пальто.

Правильно сказал капитан – девушке не место на пристани ночью. Быстрее, быстрее в гостиницу!..

И я прибавила ходу, отыскивая нужный трактир.

Заведение мамы Пуляр оказалось вполне уютным местечком. Внутри было чисто и тихо, хотя за столиками и у стойки толпились мужчины – матросы и простые горожане, судя по виду. Находились здесь и несколько женщин, но не из числа тех, кто охотится за кавалерами на одну ночь. Две чопорные пожилые дамы в сопровождении не менее чопорных господ, одна молоденькая девица в сопровождении строгой нянюшки, которая подозрительно и с осуждением смотрела на каждого мужчину, который проходил мимо их стола.

Пристроившись в уголочке, я заказала кружку горячего чая с пряностями и кусочек пудинга. Рождественский пост уже начался, поэтому пудинг подавался пропитанным сахарной водой, а не мясным жиром. Не слишком сытная еда для того, кто неделю болтался в море

и питался квашеной капустой и перловой кашей, но я с аппетитом съела всё до последней крошки и попросила ещё чая.

Вместе с сытостью и спокойствием пришла способность поразмышлять о том, что делать дальше. Дождаясь чая, я смотрела на горящий в камине огонь, и постепенно в моей голове сложился крайне рискованный, но на мой взгляд совершенно беспроегрышный план.

Хозяйка заведения – дородная статная дама, сама принесла мне чай и встала возле столика, ожидая плату.

– Можно ли спросить, – обратилась я к даме, передавая ей деньги, – где найти дом господина де Синда?

– Зачем вам? – спросила мамаша Пуляр равнодушно, отсчитывая сдачу.

– Я из монастыря Святой Клятвы, сударыня, – объяснила я, глядя ей в глаза с максимальной честностью. – Матушка настоятельница получила письмо от господина де Синда, что в его дом требуется служанка, и отправила меня.

– Служанка? Вы? – хозяйка окинула меня быстрым и недоверчивым взглядом, но объяснила: – Его дом на берегу, напротив маяка. Как покушаете, ступайте налево, вдоль улицы, и как раз упретесь. Не ошибетесь, милочка. Таких домов в нашем городе нет. Такие дома строят за городом. Но готова поспорить, вы не протянете там и месяца.

– Почему? – тут же спросила я. – Господин де Синд – дурной человек?

– Дурной? – мамаша Пуляр была невозмутима, как стена. – Ну что вы. Господин Синд – один из самых уважаемых людей в городе. И точно – самый богатый.

– Тогда...

– Простите, барышня, я тут не сплетничаю, а работаю.

Хозяйка отошла к другому столу, а я двумя руками схватилась за кружку с чаем. Что ж, узнала достаточно. Господин де Синд богат, знатен, у него шесть детей, и он – контрабандист. И последний факт он усиленно скрывает. Но почему – не протянете дольше месяца?

Я пила чай медленно, раздумывая, что делать дальше. Можно на последние монетки снять на ночь комнату, выспаться и завтра идти к господину Синду, наниматься в служанки. Но лучше бы не тянуть с этим делом. Вдруг приедет настоящая воспитанница монастыря? Хотя, господин де Синд обмолвился, что служанку ждут к новому году... Но вдруг пока я буду спать в гостиничной постельке, место будет занято? Не воспитанницей монастыря, так родственницей ехидного лодочника... А в доме у господина Контрабандиста мне будет тепло, не голодно, да и жалование на службе у богатого господина, наверняка, хорошее.

Только почему – не продержусь дольше месяца?..

Наверное, характер у хозяина – не мёд. Я сама видела, как он чуть не придушил лодочника. Но крутой нрав – не самое страшное, как я успела убедиться. Куда страшнее – подлость, хитрость, изворотливость. А господин де Синд не производил впечатление изворотливого подлеца. И, в конце концов, мне ведь надо быть служанкой. Скорее всего, он и знать про меня не узнает, я буду общаться только с хозяйкой дома – с госпожой де Синд. Наверное, ей непросто с шестью детьми. Решено. Отправляюсь сейчас. Только прежде надо кое-что сделать...

– Будьте добры, – снова позвала я хозяйку, и мамаша Пуляр подошла ко мне, попутно собирая со столов пустые кружки из-под чая, грога и пива.

– Что угодно, барышня? – спросила она.

– Скоро должны привезти мой багаж, позвольте оставить записку, – попросила я, – куда доставить вещи. Я указала кучеру ваш адрес, не думала, что найду дом господина де Синда так быстро...

Взгляд мамы Пуляр ясно выразил, какого она мнения о моих умственных способностях, но тем не менее она любезно согласилась:

– Оставляйте, барышня. Я передам. За отдельную плату, разумеется.

– Разумеется, – подхватила я. – Не подскажите, где у вас чернила и перья? И лист бумаги, пожалуйста.

Конечно же, всё мне было предоставлено за «отдельную плату».

На меня посматривали с любопытством, но я устроилась в уголочке, заточила перо и принялась старательно и печатными буквами выводить на клочке бумаги: дом господина де Синда, возле маяка, доставить для...

Когда на меня перестали глазеть, я быстренько и совсем другим почерком – ровным, с красивыми завитушками на заглавных буквах, написала совсем другое письмо, подобрал для него лист бумаги почище.

«Храни вас Бог, господин де Синд! В ответ на вашу просьбу направляю к вам под опеку и охрану овечку Господню, нашу воспитанницу Элизабет Белл. Она добрая, честная, прилежная и скромная девушка. Её документы пока останутся у меня, так как девушка намерена стать монахиней, и весной я бы хотела забрать её обратно. Зимой же, для проверки её душевной стойкости, барышня Белл с моего благословения проведет в городе. С молитвами и добрыми пожеланиями – настоятельница монастыря Святой Клятвы мать Бернадетт».

Я понятия не имела, как звали настоятельницу монастыря, но слышала, что оттуда разъезжаются гувернантки и воспитательницы по всему королевству. Очень удобно иметь в прислугах девицу воспитанную, набожную и... безответную, как овечка. Поэтому монастырь Святой Клятвы пользовался популярностью у богатых людей. Пусть теперь эта популярность сыграет мне на удачу.

Быстро осмотревшись, я убедилась, что никто не наблюдал за мной, сложила письмо, наклонила свечу, проливая растопленный воск на стык краев бумаги, и незаметно приложила крест-накрест край ложки, изобразив что-то вроде смазанной печати.

Вот и всё. Письмо я сунула за пазуху, а записку вместе с медным грошеном вручила мамаше Пуляр.

– Может, подождёте, пока приедут ваши вещи? – щедро разрешила она.

– Благодарю, но я и так припозднилась, – отказалась я от такого приглашения. – Не хочу никому доставлять беспокойства.

– Как знаете, – протянула трактирщица и ещё раз окинула меня недоверчивым взглядом.

Глава 2

Дом господина де Синда я нашла без каких-либо сложностей. Мамаша Пуляр была права – второго подобного дома поблизости не было. Добротное строение в три этажа, с черепичной крышей и коваными флюгерами. Стоящее на краю улицы, оно всем своим видом заявляло, что здесь живут важные господа. Правда, я не увидела ни ограды, ни сада вокруг – только пару чахлых рябин и несколько кустов сирени. Окна были наглухо закрыты ставнями, и лишь над крыльцом горел фонарь, подвешенный на металлической цепочке.

Сразу за домом, на скале, стоял маяк, и было слышно, как тяжело и глухо бьется о берег море – вздыхая и ворочаясь, словно огромный зверь. Время от времени у подножья маяка взрывалась белопенная волна – будто снежинки, падавшие с неба, меняли направление и летели обратно в небо.

Но наблюдать за великолепным и грозным зрелищем было холодно и немного страшно. Я поёжилась и, утопая по щиколотку в рыхлом снегу, добралась до крыльца. Поднялась по трем ступенькам, постучала. Сначала осторожно, а потом сильнее, потому что никто не спешил мне открывать.

Если меня не впустят, придётся возвращаться к мамаше Пуляр. И оставалось только надеяться, что у меня хватит денег, чтобы оплатить комнату, и что свободная комната будет в наличии.

Когда я уже совсем потеряла надежду и собралась идти обратно, за дверь послышались шаги, а потом заскрипели засовы.

Дверь открылась, и я увидела женщину средних лет – высокую и полную, в белом чепце без вышивки и кружев. Она вытирала руки фартуком и смотрела на меня неодобрительно – совсем как мамаша Пуляр.

Я тоже окинула её взглядом. Явно не хозяйка дома. Слишком просто одета. Учитывая забрызганный фартук и простой чепчик – служанка. Так что ничего страшного, что там болтала трактирщица. Служанки в этом доме есть, и они неплохо себя чувствуют, судя по воинственному виду этой привратницы. Значит, я тоже неплохо приживусь.

– Нам ничего не нужно, барышня, – тем временем сурово сказала женщина в чепце. – Доброго вечера!

Она хотела закрыть двери, но я успела поставить ногу между дверью и косяком.

– Прошу прощения, но я ничего не продаю, – сказала я с достоинством. – У меня письмо от настоятельницы монастыря Святой Клятвы. Господин де Синд просил служанку – это я.

Женщина в чепце нахмурилась, но распахнула дверь, пропуская меня в коридор.

– Благодарю, – произнесла я с холодком, заходя в дом, где было темно и не теплее чем на улице. Сначала я собиралась расстегнуть пальто, но потом передумала. Совсем не хотелось стучать зубами, нанимаясь на работу. – Проводите меня к госпоже де Синд, пожалуйста, – попросила я. – Моё имя...

– К госпоже де Синд? – переспросила дама в чепце и подняла брови.

– Думаю, вопросы о найме прислуги лучше решать хозяйке дома, – мягко произнесла я. – Проводите меня или передайте, что я жду. Моё имя...

– Идите за мной, – буркнула женщина.

Не дожидаясь ответа, она повернулась ко мне спиной и пошла вверх по лестнице. Я поспешила следом, даже не оглядевшись толком. Но меня пустили, меня повели к хозяйке – это уже маленькая победа. Осталось лишь убедить госпожу де Синд.

– Сюда, пожалуйста, – женщина в чепце распахнула дверь, пропустив в коридор слабый и неровный свет светильника на рыбьем жиру.

Я поборола желание зажать нос, чтобы не ощущать тошнотворного рыбного запаха. Почему аристократ и богач не использует восковые свечи? От них больше света и такой приятный запах...

– Госпожа Бонита, приехала служанка из монастыря, – женщина в чепце остановилась на пороге, не входя в комнату.

– Новая служанка? – раздался строгий голос госпожи Бониты. – Какая служанка?

– Элизабет Белл, госпожа де Синд, – ответила я из коридора.

Последовало минутное молчание, а потом госпожа Бонита не менее строго произнесла:

– Кстати, ужин готов, Джоджо? Уже поздно, детям скоро ложиться спать.

Джоджо? Что за странное имя?.. И разве поздно? Даже восьми часов нет.

Мне ужасно хотелось заглянуть в комнату, чтобы увидеть жену господина Контрабандиста. Странное желание, но любопытство захлестывало меня, как море – берег Монтроза. Воображение рисовало рядом с мужчиной, похожим на льва, такую же женщину – настоящую львицу. Она подарила ему шестерых детей... Что это – долг супруги или... большая любовь?

– Уже собиралась накрывать на стол, госпожа Бонита, – чинно ответила служанка, перебив мои мысли по поводу семейной жизни де Синдов. – Разрешите удалиться?

– Идите уже, – недовольно протянула хозяйка дома. – А эта – пусть войдёт.

– Прошу вас, – Джоджо махнула рукой в сторону комнаты и пошла по лестнице, потеснив меня пухлым плечом.

А из комнаты уже раздался недовольный возглас:

– Входите, наконец. Где вы там... Белл!

Хозяйка дома сделала паузу перед моим именем, словно не сразу его вспомнила. Умышленно или нет, но госпожа де Синд сразу указала ничтожной служанке её место. Моё место. Судя по всему, оно находилось где-то рядом с порогом, если не за ним.

Но отступать я не стану, высокомерная госпожа, и не надейтесь. Пусть эта гавань не такая приятная и тёплая, как я ожидала – я намерена остаться. Глубоко вздохнув, я расправила плечи и вошла в комнату, где нестерпимо пахло рыбьим жиром.

В полутьме я не сразу разглядела женщину в чёрном платье. Она сидела за столом, держа на коленях раскрытую книгу, и смотрела на меня с таким же неодобрением, как до этого – служанка Джоджо. Но постепенно неодобрение сменялось совсем другим чувством.

– Вы – служанка из монастыря? – спросила она удивленно. – Как вы сказали, ваше имя?

– Элизабет Белл, – подсказала я. – И у меня письмо. Вот оно. Прочтите, пожалуйста, – я достала письмо, написанное мною в трактире мамы Пуляр, и протянула его хозяйке дома, затаив дыхание.

Передавая письмо, я сделала шаг вперёд и увидела госпожу де Синд. И теперь рассматривала её с не меньшим удивлением, чем она меня.

Женщина, сидевшая в кресле, была совсем не старой. Я бы дала ей не больше тридцати. Но вместе с тем, её можно было принять за старуху – сухощавая, с брезгливо поджатыми тонкими губами, с неприятным нервным лицом, которому не смогли придать нежности и миловидности даже накрахмаленные кружевные оборки воротничка. Нет, такая дама просто не могла быть парой мужчине-льву. Такая могла бы составить пару разве что грифу-стервятнику.

Впрочем, я видела и более неравные браки. И это не моё дело – с кем живет господин де Синд, и кого он любит, если это – любовь.

Госпожа Бонита сломала печать, даже не рассмотрев её толком, и я с облегчением выдохнула. Пробежавшись взглядом по строчкам, дама отложила письмо и около минуты разглядывала меня, нацепив на нос новомодные очки – без дужек, на цепочке, крепившейся к брошке на корсаже. Брошка, кстати, тоже была очень неплоха. Насколько я могла судить – из мастерской королевских ювелиров. Странно носить такие украшения, а зажигать не свечи, а рыбий жир.

– Вас ждали только к новому году, – сказала госпожа Бонита, чеканя каждое слово.

– Матушка настоятельница посчитала, что не стоит медлить с помощью, – ответила я, вежливо улыбнувшись. – Я всё умею, госпожа де Синд. Шью, вышиваю, неплохо готовлю...

– Это всё замечательно, – произнесла она с таким кислым видом, что сразу стало понятно, что вовсе это не замечательно, – но портниха нам ни к чему. Мой брат в состоянии купить нам одежду.

Купить одежду?.. Я чего-то не поняла. Все мои знакомые аристократы никогда не покупали одежду. Они заказывали её на пошив у модисток. Но, может, именно это и имела в виду госпожа де Синд? Только выразилась недостаточно точно. И здесь ещё есть брат?..

– С вашего позволения, я буду заниматься той работой, которую вы мне поручите, – сказала я, всеми силами стараясь сохранить дружелюбный вид. – Если у вас шесть детей, то я могу присматривать за младшими и...

Я не поняла, что сказала не так, потому что госпожа де Синд вдруг побагровела, глаза её вспыхнули и метнули молнии, а сама она со стуком захлопнула книгу.

– Как вы смеете... – начала она дрожащим от негодования голосом. – Вы, дерзкая девочка!..

Она не договорила, потому что снизу вдруг раздался истошный детский вопль. Я вздрогнула и уронила сундучок, а госпожа де Синд вскрикнула, хватаясь за сердце.

Тихий дом сразу ожил – захлопали двери, по лестнице застучали башмаки, кто-то испуганно и взволнованно заговорил в коридоре, но всё перекрыли грохот, а потом – брань Джоджо, которая призывала на чью-то голову все кары мира.

– Откройте дверь! – велела госпожа де Синд, и я не без колебаний открыла двери, выглянув в коридор.

Меня чуть не сшибла с ног юная особа, которая ворвалась в комнату подобно буре. Она была в домашнем платье, с накрученными на папильотки светлыми локонами, и гневно затопала ногами.

– Тётя! – возмущенно начала она. – Это уже слишком!.. Скажи этому Эйбелу!..

– Ванесса, что за вид?! – возмутилась хозяйка, не слушая её причитаний. – Что это у тебя на голове?! Разве ты забыла, что в Писании сказано: женщина не должна украшать себя плетением волос! Немедленно сними эту гадость!

– Но, тётушка... – девушка схватилась за голову, а потом с досадой пробормотала: – Конечно, сейчас самое время об этом поговорить.

– Без возражений! – приказала госпожа де Синд и пустилась в унылые нравоучения: – Разве ты не знаешь, что те легкомысленные девицы, которые слишком заняты своей внешностью...

Брань Джоджо внизу не стихала, и я, воспользовавшись тем, что на меня никто не обращал внимания, сунула сундучок под мышку, выскользнула из комнаты в коридор, спустилась по лестнице и заглянула в кухню, которая находилась слева от входа.

В кухне, в дыму и чаду, металась Джоджо, пытаясь ударить полотенцем парня, который хохотал во все горло, удирая от нее вокруг стола.

Маленькая девочка, стоявшая у очага, невозмутимо смотрела на эту картину, усмехаясь совсем не по-детски, а на полу, возле открытого чулана прыщавый лохматый подросток пытался справиться с бьющимся в истерике мальчиком лет семи. Ребёнок захлебывался рыданиями и сучил ногами, а подросток, ругаясь сквозь зубы, прижимал его к полу, перехватив руки.

Что тут происходит?..

Я поставила сундучок в угол, решительно отодвинула девочку в сторону, и плеснула воды в котелок, где пытело овощное рагу, уже готовясь подгореть. Потом вооружилась каминными щипцами и передвинула котелок в сторону – на менее жаркое место.

– Ты кто? – спросила девочка требовательно, но я не ответила.

Джджо догнала парня и теперь лупила его по спине и голове полотенцем, а он изнемогал от хохота, отбиваясь от рассерженной служанки. Я не стала любоваться на эту картину и опустила на колени рядом с мальчиком, бьющимся в припадке.

– Что с ним? – спросила я, перехватывая руки ребенка, которыми он молотил, как ветряная мельница.

– Да он – тронутый! – в сердцах рявкнул подросток. – Ему где-то почудились чердачные тролли – и вот!.. – тут он посмотрел на меня из-под растрепанной чёлки и спросил грубо, и басом: – А вы кто такая?

– Новая служанка, – коротко ответила я, поднимая плачущего мальчика с пола и прижимая к себе. Ребёнок был тонкий, как лист бумаги, и такой же лёгкий – совсем ничего не весил. Я прижала его голову к своей груди, и зашептала ему на ухо, стараясь говорить спокойно и ласково, хотя в таком вертепе это удалось с трудом: – Всё хорошо, чердачные тролли убежали. Они любят тишину, а здесь столько шума, что мы даже чаек перекричали.

Я нашёптывала мальчику слова утешения, пока он не перестал плакать. Теперь он прижимался ко мне и судорожно всхлипывал, дрожа всем телом. Хохочущий парень вырвался от разгневанной Джджо и умчался из кухни быстрее оленя, служанка швырнула ему вслед полотенце и... стало тихо. Только наверху госпожа де Синд отчитывала Ванессу за папилютки, вспоминая все случаи из Писания, когда красавицы губили своим кокетством не только себя, но и целые города, и страны.

– Ну всё, Логану опять влетит, – со злорадством заявила девочка, заложив руки за спину. – Когда тётя узнает, что он спустился...

– Зачем ты полез в чулан? – сердито спросил подросток и сдул со лба непокорную прядку. – Что ты там забыл, Логан?!

– Рагу! – вспомнила Джджо и бросилась к огню.

Она увидела передвинутый котелок, помешала варево длинной ложкой и посмотрела на меня с благодарностью, хотя ничего и не сказала.

– Давайте не будем ругать Логана, – предложила я мягко. – Ему и так досталось, судя по всему. Что произошло?

– Это всё мастер Эйбел, – буркнула Джджо, поднимая с пола полотенце. – Ну влетит ему, когда хозяин вернется!

– Влетит Рэйбелу и Логану, – глубокомысленно изрекла девочка.

Она как-то незаметно поменяла имя Эйбел на Рэйбел, сделав из «пастуха» – «разбойника». Это было по-настоящему забавно, и больше подходило парню, сбежавшему от гнева служанки.

– Черити, помолчи, – посоветовала Джджо. – И зови всех ужинать.

– Жаль, что эта бурда не сгорела, – заявила девочка и не двинулась с места. – Тогда мы бы получили хлеб с джемом. Хотя что-то съедобное.

– Черити! – шикнули на неё одновременно Джджо и подросток.

Не выпуская из объятий мальчика, который до сих пор дрожал, как осиновый лист на ветру, я посмотрела на маленькую Черити, которая со спокойным видом выдавала такие странные для её возраста замечания. Её круглое хорошенькое, как у куклы, личико в обрамлении тёмно-русых кудряшек ничего не выражало. На вид ей было лет десять, но смущал необыкновенно серьёзный взгляд.

– Позови всех к столу, – повторила Джджо.

Черити пожала плечами и отправилась вон из кухни танцующей походкой.

– Спасибо, что спасли рагу, – сказала тогда служанка, снимая котелок с огня. – Если бы ужин сгорел, госпожа Бонита была бы недовольна.

– Лучше бы оно и правда сгорело, – заявил подросток, поднимаясь на ноги. – Черити права – на эту репу уже смотреть невозможно!

Я подумала, что он похож на кузнечика – с длинными руками и ногами, нескладный, угловатый. Казалось, он весь состоит из ломаных линий.

– Шли бы вы, мастер Нейтон, в столовую, – с раздражением ответила Джоджо. – Приготовление еды – не мужского ума дело.

– Ха! – «мастер Нейтон» мотнул головой, отбрасывая прядь волос с глаз. – Так это называется едой? Спасибо, просветила!

– Идите уже, – подсказала служанка, и мастер Нейтон гордо удалился.

Его башмаки дробно протопали по ступеням, аккомпанируя дребезжащему голосу госпожи де Синд. Судя по тому, что до моего слуха долетали слова «ад», «кара» и «возмездие», хозяйка дома всё ещё проводила воспитательные мероприятия.

– Вы из монастыря? – нелюбезно поинтересовалась Джоджо. – Элизабет Белл?

– Да, сударыня, – ответила я с готовностью и добавила: – Может, стоит вызвать врача для мальчика? Что произошло? Он упал или поранился? Что у тебя болит, малыш? – спросила я у Логана, но он молчал, уткнувшись в меня лицом.

– Не надо врача, – ворчливо отозвалась служанка, доставая супницу и вываливая в нее рагу – крайне неаппетитное на вид и по запаху больше походившее на варево для поросят. – Ничего с ним не случилось. Просто мастеру Эйбелу захотелось пошутить, и он поставил в чулан чучело. Чтобы я пошла и наткнулась в темноте. А Логан зачем-то туда полез – вот и напугался. Всё-то ему чудища мерещатся.

– Мы бы с вами тоже испугались, – заметила я. – Жестокая шутка. Можно попросить у вас воды?

– Пить захотели? – служанка зачерпнула деревянной кружкой воды из ведра и протянула мне. – Пейте. У нас хорошая вода, из родника. Не дождевая. Господин де Синд покупает каждый день по бочке.

– Благодарю, – я взяла кружку и легонько похлопала Логана по спине. – Попей, малыш. Сразу станет легче.

Он оторвался на меня и схватился за кружку. Жадно напился, а потом встал, отряхивая поношенную курточку и поправляя застиранный воротничок, избегая смотреть на нас.

Джоджо хмуро наблюдала за нами, но потом смягчилась и сунула мальчику хлебную корку:

– А теперь – быстро наверх, Логан. И немедленно спать.

Мальчик взял хлеб и поплелся к выходу, так и не проронив ни слова.

– Спать ещё рано, – напомнила я служанке. – Дети собирались ужинать.

– Логан не ужинает со всеми, – отрезала она, выкладывая на поднос ложки, толстые ломти серого хлеба, выставляя мисочку с квашеной капустой и редькой, политой постным маслом. – В этом доме свои правила, барышня.

– Зовите меня Элизабет, – попросила я мягко, чтобы не сердить её.

– Не буду я вас никак звать, – она добавила к угощению очищенных луковиц – белых и полупрозрачных, как жемчужины. – Если останетесь, госпожа Бонита решит, как вас называть. У неё плохая память, а Элизабет – это слишком длинное имя для служанки.

Она взяла поднос и понесла его наверх, тяжело и неловко ступая. Я не стала предлагать помощь. Всё верно – меня ещё не наняли, и, судя по всему, я не очень-то понравилась хозяйке.

Поднявшись с пола, я сняла пальто и сложила его на скамейку у входа, а выпрямившись, чуть не вскрикнула – из полутьмы коридора на меня внимательно смотрели две пары глаз.

Я шарахнулась, и сразу раздалось хихиканье, а потом от стены бесшумно, словно бесплотные призраки, отделились две тени – двое детей немного постарше Черити. Они были совершенно одинаковые – бледные, длиннолицые, с непокорными перепутанными локонами до плеч, в одинаковых темных курточках, но на одном ребёнке красовалась бумазейная юбка,

едва закрывавшая икры, а у второго были короткие шерстяные штанишки с заплатами на коленях и возле карманов.

Воспользовавшись моим замешательством, дети прошмыгнули в кухню, схватили по ломтю хлеба со стола, запустили руки в мешок, стоявший возле стены, и так же бесшумно исчезли в коридоре.

Что-то стукнуло по деревянным половицам, и я увидела, как покотился под стол лещинный орешек.

Вот так-так. Эти двое украли хлеб и орехи, и я оказалась почти соучастницей. Занятый дом. Но сколько же тут детей? Я быстро пересчитала в уме: хохочущий парень, девица в папильотках – Ванесса, нескладный подросток – мастер Нейтон, двое близнецов, невозмутимая Черити и худышка Логан. Всего семь.

Судя по всему, старший – тот самый Эйбел-Рэйбел. Он был темноволосым и смуглым, и внешностью и манерами больше походил на какого-нибудь моряка, чем на сына аристократа. Впрочем, и аристократы бывают разными. Например, мой бывший муж...

Нет, я не собираюсь вспоминать о прежней жизни. Она была – и прошла.

Но детей – семь, а лодочник говорил про шестерых. Кто-то лишний?

– Эй, барышня! – позвала Джоджо сверху, перегнувшись через перила. – Госпожа Бонита зовет вас. Оставьте вещи в кухне и поднимайтесь.

Официальное представление... Я быстренько поправила чепец и одернула кофту. Вид у меня был помятый, но это можно списать на долгую дорогу...

– Эй, барышня? – Джоджо начала терять терпение.

– Иду, сударыня, – я почти на ощупь поднялась по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке.

– Господин де Синд тоже ужинает? – спросила я, спеша за служанкой, которая повела меня вдоль резных перил второго этажа.

– Хозяин уехал по делам.

– Ясно, – сказала я коротко.

Знаем, какими делами занят господин Контрабандист. Но мне это безразлично. Я желаю только спрятаться. И лучше прятаться там, где тихо, тепло и хорошо кормят. Хм... Хорошо?

Насчет последнего пункта я особенно засомневалась, когда вошла в столовую – освещенную лучше, чем комната госпожи де Синд, но все теми же светильниками на дешёвом рыбьем жиру. Длинный стол, за которым сидели госпожа Бонита во главе и шесть детей – мальчики с одной стороны, девочки с другой – казался пустым. Похоже, никто не притронулся к овощному рагу – ложки вяло ковыряли тёмную липкую массу, Черити грызла хлеб, но под строгим взглядом госпожи Бониты поспешно засунула последний кусочек в рот и не потянулась за другим. Конечно, сейчас пост, поэтому угощение – более чем скромное, но ведь на берегу моря можно поститься гораздо веселее. Здесь достаточно рыбы, креветок, крабов...

Джоджо не пошла за мной, и я переступила порог одна, чинно сложив руки на животе, как и положено почтительной служанке. Все сразу уставились на меня, и Черити немедленно этим воспользовалась – схватила ломоть хлеба и сунула в карман.

Я смело и с улыбкой встретила взгляды семейства. Госпожа Бонита и юная Ванесса смотрят недовольно, Эйбел и мастер Нейтон – с интересом... Пожалуй, даже с чрезмерным интересом... Черити – явно скучает... Близнецы... близнецы хитро поглядывают то на меня, то друг на друга и обменивались какими-то странными знаками, по особому шевеля пальцами. Может, дети – глухонемые?..

– Это – служанка, которую прислали по рекомендательному письму, дети, – чопорно объявила госпожа Бонита.

Она хотела ещё что-то сказать, но её перебила Ванесса.

– Служанка? – фыркнула девица и скорчила капризную гримаску. – Не знаю, тётушка... Она больше похожа на куртизанку.

– Ванесса! Откуда такие слова! – ахнула шокированная госпожа Бонита, а старший отпрыск семейства де Синд расхохотался до слёз.

Я переждала, пока стихнут смех и возмущения хозяйки дома, а потом сочла нужным пояснить:

– Меня прислали из монастыря. Это – гарантия моей честности.

Оставалось надеяться, что небеса простят меня за маленькую ложь, но на Ванессу мои слова не произвели впечатления.

– Из монастыря? Если только из мужского, – заявила она. – Да вы взгляните на неё! Она такая же монахиня, как я – принцесса.

– Я не монахиня, – спокойно возразила я. – Просто воспитывалась при монастыре. Обета я не давала. Пока.

– О, можно подумать... – начала Ванесса, но госпожа Бонита прикрикнула на неё.

– Помолчи хоть немного, Ванесса! – поправив очки, хозяйка дома обратилась ко мне. – Моего брата сейчас нет дома...

Брата! И вот почему дети называют её «тётушкой». Я попала впросак, приняв даму-грифа за жену господина де Синда. Но тогда... детей – шесть, а Ванесса – молодая хозяйка? Просто всем заправляет строгая тётя...

– ...когда Тодеу вернётся, мы решим, как быть с вами, – продолжала госпожа Бонита, грозно поблескивая стёклами очков. – Можете приступить к своим обязанностям, Джджо всё вам объяснит. Будете находиться в её распоряжении.

Тодеу. Вот как зовут хозяина дома. Не слишком приятное имя, означающее смерть. Но оно ему подходит, надо признать.

– Благодарю, сударыня, – сказала я, сделав книксен.

Старший отпрыск семейства снова хохотнул и прищурился, разглядывая меня ещё внимательнее тётушки. Мысленно я посоветовала себе быть с ним настороже. Впрочем, и второй сынок – мастер Нейтон – смотрел с не меньшим интересом.

– Пока живёте в этом доме, – важно и торжественно говорила госпожа Бонита, словно читала главу из Библии в праздник, – вас будут называть Лилибет. Мне так удобнее, – она повысила голос, потому что я собиралась возразить. – Теперь вы свободны. Джджо всё вам покажет, спать будете в комнате возле ванной. Заодно станете топить печь по утрам. Можете идти.

– Папа вернется – и вышвырнет её в два счета, – сказала Ванесса громко, когда я поклонилась и отправилась восвояси.

– А я попрошу отца, чтобы он её оставил, – весело возразил Эйбел. – Она хорошенькая. Ты поэтому злишься?

– Ты – дурак! – вспылила Ванесса.

– Барышни так не говорят! – тут же возмутилась госпожа Бонита.

Я не стала слушать дальнейшую беседу семейства и спустилась в кухню, где оставила пальто и чемоданчик. Джджо хлопотала возле очага, повесив над огнем чайник.

Папа вернётся...

Так сказала Ванесса. Значит, она – не молодая жена, а дочь. Я совсем запуталась в детях и родственных связях семьи де Синдов. Может, Логан – приемный ребенок? Поэтому его и нет за столом, вместе с остальными детьми?..

– Мне разрешили остаться, – сказала я, и служанка мрачно засопела. – Господин де Синд уехал надолго?

– Дня на три, – ответила Джджо, старательно избегая встречаться со мной взглядом.

– Расскажите, кто живет в доме, – попросила я. – Я была уверена, что госпожа Бонита – супруга господина де Синда...

– Упаси Боже! – служанка прижала руку к пышной груди. – Госпожа Карина скончалась семь лет назад.

– Мне очень жаль...

– Не жалейте, – отрывисто сказала Джоджо, со стуком закрывая чайник. – И не спрашивайте о ней, и не называйте ее имени. В этом доме её не слишком любят. Она умерла, когда рожала Логана, и это – лучшее, что с ней случилось.

– Видимо, неуместно спрашивать – почему? – осторожно спросила я, отмечая про себя, что Логан – не приемный ребенок.

Но почему лодочник говорил о шестерых детях, а на самом деле их семь? И почему госпожа Бонита так разозлилась, когда я сказала о шестерых? Но если я ждала от Джоджо хоть каких-то пояснений, то напрасно.

– В этом доме не любят сплетничать, – обиделась она, взяла нож и принялась скрести и без того чистый стол.

– Ясно, – согласилась я не касаться больше темы о покойной госпоже де Синд. – А госпожа Бонита – сестра хозяина?

– Старшая, – служанка скребла стол с такой яростью, словно собиралась продырявить столешницу. – После смерти госпожи Карины на ней всё хозяйство и воспитание детей.

– А дети?..

– Старший – мастер Эйбел, – произнося имя старшего сына де Синда Джоджо чуть не скрипела зубами в такт скрипу ножа.

– Его называют Рэйбел?..

– Потому что он – самый настоящий разбойник! – свирепо изрекла Джоджо. – Вечно придумает какую-нибудь каверзу, противный мальчишка! И пожаловаться некому – старший и любимый сыночек. Вот и пользуется тем, что ему всё дозволено.

– М-да... – протянула я, усаживаясь на скамейку. – Очень неприятно. А Ванесса?

– Вторая по старшинству – и избалованная кукла, – выдала Джоджо. – Красотой пошла точно не в мамочку, а вот характером... – она осеклась и помрачнела ещё больше.

– Потом – мастер Нейтон, – я деликатно не заострила внимания на похожести Ванессы на покойную мать или на родную тётушку.

Несмотря на разногласия, они показались мне очень похожими.

– Нейтон – спесивый, как черт, – последовала оценка очередного отпрыска семейства. – И такой же завистливый. Бесится, что отец назначил наследником мастера Эйбела, и пытается что-то доказать. Только не получается – мозгов-то у него поменьше будет. Намного поменьше.

– А... близнецы?

– Мерси и Огастин. Чокнутые. Молчат, ухмыляются – и не понятно, что у них на уме. Общаются только друг с другом, даже без слов могут – будто мысли читают. Но от них хлопот меньше, чем от Черити. Она больше всех по госпоже Карине плакала. Опасайтесь её. Даром, что куколка, а скажет – как толкушкой в лоб приложит. И где не дослышит – там додумает. И молотит языком своим, молотит. Больше всего Логану достается. Конечно, это ведь из-за него умерла госпожа Карина... – Джоджо замолчала и выпрямилась, застыв с тряпкой в руке.

– Значит, малыш Логан – причина смерти матери? – спросила я, и служанка машинально кивнула.

– Что-то я разболталась, – произнесла она медленно. – А вам не следует прохладиться. Сейчас ужин закончится, я уберу со стола, и вы будете мыть посуду.

– Конечно, – я встала со скамейки и закатала рукава кофты повыше. – С удовольствием помогу вам, дорогая Джоджо. Кстати, почему вы – Джоджо? Разве это имя?

– Госпожа Бонита так меня называет, – буркнула служанка, немного нервно поправляя чепец.

– А на самом деле вас зовут?..

– Джоджин, – сказала она с некоторым удивлением, будто только сейчас вспомнила своё настоящее имя, но сразу же торопливо поправилась: – Только вы так не называйте. Госпожа Бонита любит, чтобы всё было так, как она сказала.

– Хорошо, – легко согласилась я. – Дадите фартук?

Джоджо вытащила из сундука белый фартук, который я вполне могла обернуть вокруг талии дважды, и сняла с огня закипевший чайник. Водрузив его на поднос, она поставила туда же семь чашек, стеклянную баночку с мёдом, тарелочку с галетами и унесла наверх, вернувшись с грязной посудой от ужина. Почти всё овощное рагу осталось на тарелках, и служанка аккуратно сгребла его обратно в котелок, а котелок повесила над огнем.

– Что вы делаете? – спросила я озадаченно.

– Как – что? – ответила Джоджо, вооружаясь деревянной ложкой и энергично помешивая варево, которое вскоре забурлило. – Нам ведь надо что-то поесть. Или вы не голодны?

– Не голодна, – тут же отозвалась я, и меня замутило, как на палубе «Звезды морей». – Спасибо, я обойдусь хлебом и чаем, с вашего позволения.

– Как хотите, – служанка обиделась и не скрывала этого. – Только вот что я вам скажу... По вам видно, что вы – барышня не из простых, и к тяжёлому труду не привычны. Руки у вас – как шёлк. Только в этом доме никто с вами нянчиться не станет. Госпожа Бонита – она знает какая? У неё не забалуешь. И другой еды вы тут не получите. А не станете есть – протянете ноги через месяц, если не меньше.

«Вы там и месяца не продержитесь», – услышала я как наяву голос мамыши Пуляр.

Противный холодок пробежал по спине, и я передернула плечами. Неужели, я ошиблась? И вместо богатого, спокойного дома попала в сумасшедший дом, где хозяйева жадные, как братец Яков из детской песенки, который пожалел снега зимой. Не поспешила ли я со своим рискованным планом? Может, сбежать, пока не поздно?..

– Сударыня, – позвала я служанку, и она оглянулась на меня через плечо, недовольно морща лоб. – Если вам так не нравятся обитатели этого дома, зачем вы продолжаете здесь служить?

Джоджо отвернулась так резко, что я немедленно поняла: обиделась насмерть. Но что же заставляет её жить здесь, питаюсь объедками с господского стола и терпя пренебрежительное отношение?

– Я дала слово, что позабочусь о них, – сказала служанка глухо. – Логан был слабенький, как слепой котёнок... Он бы точно не выжил... А вообще, – она встрепелась и загремела ложкой о котелок, – а вообще, это не вашего ума дело, барышня. Наливайте воду и ставьте на огонь, чтобы согрелась. Надо поесть, помыть посуду, а потом идти спать. В этом доме встают рано.

Глава 3

За оставшийся вечер Джоджо стала немного разговорчивее, и я узнала больше об обитателях дома. Признаться, особенно меня интересовал глава семейства, с которым я уже была знакома, но предпочитала об этом помалкивать.

Господин Тодеу де Синд разбогател, занимаясь морской торговлей. Ему принадлежали десять кораблей, семь из которых сейчас находились в плавании, забрав в качестве торгового груза соль, а три корабля стояли на якорях в бухте.

По забавной случайности, корабль «Звезда морей», который привез меня сюда, принадлежал именно господину де Синду. Кроме того, он получил от короля освобождение от налогов, потому что на свои средства содержал городской маяк.

– Он семь лет как вдовец, – откровенничала Джоджо, вытирая тарелки, которые я мыла в корыте. – Дома бывает редко, занят только работой. Правильный господин, очень правильный. Характер, конечно, тяжёлый, но и жизнь у него была не лёгкая.

Про себя я посмеялась над заблуждениями служанки по поводу правильности её господина, но не позволила себе и полуулыбки. Судя по всему, господин Контрабандист был единственным, в ком Джоджо не усмотрела недостатков. Не ему ли она дала слово заботиться о детях?

– Наверное, характер у господина Тодеу слишком тяжёлый, – подбросила я новый вопрос, – если он не нашел себе другую жену. Или он так любил госпожу Карину...

– Вот любовь здесь точно ни при чём, – уверенно заявила Джоджо. – Хозяин на такие глупости не разменивается. Госпожа Карина была не из тех, кого любят по гроб жизни. Не красавица. Далеко не красавица, что уж скрывать. Хозяин взял её в жены, потому что она была тихонькая и скромная, такая уж скромная... – служанка вытерла последнюю тарелку и повесила полотенце сушиться. – Фух, вот и закончили. Теперь спать.

– Можно ли мне помыться перед сном? – спросила я, забирая со скамейки свои вещи.

– Мойтесь, – разрешила служанка. – Чего-чего, а на воде в этом доме не экономят. Только сами согреете, и сами потом проследите, чтобы очаг прогорел.

– Не беспокойтесь, сударыня, – заверила я её. – Всё сделаю, как надо.

Она покачала головой, глядя на меня с неодобрением:

– И всё-таки, не похожи вы на служанку. Не место вам здесь.

Я предпочла не продолжать эту тему. Здесь или не здесь – посмотрим. А пока я хотела только выкупаться и поскорее надеть чистую рубашку.

Джоджо показала мне комнату – маленькую, чистенькую, с окном, выходящим на сторону моря. Кровать без полога, но посередине комнаты стояла жаровня, в которой теплились угли. Кроме кровати из мебели здесь были только сундук и широкая скамеечка на изогнутых ножках.

– Жаровню вот вам разожгла, – объяснила Джоджо, опуская шторы. – Так будет теплее. Вы не смотрите, что комната у входа, служанкам нравилось здесь жить.

– Меня всё устраивает.

– А моя комната на втором этаже, – продолжала Джоджо, – рядом с комнатой госпожи Бониты. Ей иногда не спится по ночам, поэтому я должна быть рядом. В семь часов вам надо будет затопить печь и поставить чайник. Если будут стучать в двери, не открывайте, а сообщите мне.

– Понятно, сударыня.

– Постельное бельё я вам принесла, светильник оставлю, – служанка поставила масляный светильничек на скамейку, – ванная комната для прислуги – рядом. Господа моются на втором этаже, но всё равно старайтесь не слишком шуметь.

– Буду очень осторожна, – заверила я её.

– Надеюсь на это, – проворчала Джоджо, пожелала мне спокойной ночи и ушла.

Наконец-то я осталась одна. Хотелось рухнуть в постель и не двигаться до самого утра, но я заставила себя разобрать чемоданчик, достала чистую сорочку, потом натаскала воды для умывания.

Какое наслаждение – вымыться в человеческих условиях, душистым мылом, а потом завернуться в простыню, пахнущую лавандой.

Я в трех водах прополоскала волосы, а потом долго расчесывала их, сидя у кухонного очага, дожидаясь, пока прогорят угли. В доме было тихо, и только где-то снаружи глухо рокотало море, ворочаясь возле берега. Но теперь этот рев не казался мне угрожающим. Наоборот, будто кто-то напевал колыбельную песню без слов, повторяя раз за разом: Миэль, теперь всё будет хорошо.

Расчесав волосы, я вылила на угли ковш воды, закрыла печные заслонки и вернулась в свою новую комнату. Я уснула сразу же, как легла в постель, и впервые за последние две недели спала спокойно и крепко, как младенец, и никакие кошмары меня не мучили.

Проснувшись я в шесть утра и быстро вскочила, потому что лежать в постели не хотелось, да и некогда было. Конечно, никому не придёт в голову искать блистательную графиню Слейтер среди служанок в провинциальном портовом городе, но мне надо быть образцовой служанкой, если хочу, чтобы никто ни о чём не догадался. Умывшись, я быстро оделась, спрятала волосы под чепец, и побежала топить печь.

Когда огонь разгорелся, я повесила на крюк чайник и мысленно похвалила себя за расторопность. Теперь можно было заняться собой.

Вернувшись в свою комнату, я отёрнула шторы, взяла гребень и сняла чепец, чтобы расчесать волосы.

Солнце должно было вот-вот взойти, и я смотрела в окно, расчесывая прядку за прядкой. Небо было бирюзово-розовое, и такие же блики играли на морских волнах. Белая башня маяка и серая скала, засыпанная снегом, дополняли пейзаж. На горизонте море было спокойным и еле колыхалось, а возле берега ворочалось, будто ему было тесно в бухте. Волна ударяла о скалу и взлетала каскадом разноцветных брызг – розовых, голубых, белых, серебристых, жемчужных, перламутровых...

Когда я жила в столице, у меня не было возможности полюбоваться морем так близко. И то, что я видела сейчас, захватило меня. Я и не думала, что море может быть таким прекрасным. А может, просто сейчас я смотрела на него другими глазами? Глазами свободного человека, а не пленницы? А свободному человеку всё кажется прекрасным.

Я стояла у окна, дожидаясь восхода солнца, и расчесывала волосы – неторопливо, бережно. Вымытые накануне пряди пушисто вились и щекотали щёки. Это было чудесное чувство – вот так смотреть на море, мечтая, что через несколько месяцев оно понесёт меня на каком-нибудь стремительном корабле домой. Домой!..

Солнце показало сверкающий край, и море заиграло золотистыми бликами, ослепляя, пуская в окно солнечных зайчиков. Я закрыла глаза, спасаясь от ослепительного света, и улыбнулась, чувствуя, как по лицу скользят солнечные лучи – горячие даже для начала зимы. Будто кто-то гладит по щекам и губам теплыми, ласковыми пальцами.

Шорох у порога заставил меня вздрогнуть и обернуться.

На пороге моей комнаты стоял Тодеу де Синд – хозяин этого дома, господин Контрабандист собственной персоной. Уперевшись ладонями в дверные косяки, он смотрел на меня – чуть наклонив голову с высоким упрямым лбом, чуть исподлобья... Львиная грива волос казалась почти белой... Я увидела, как горят глаза мужчины, и снова вздрогнула, потому что было в этом взгляде что-то безумное, что-то дикое и страшное, но одновременно... притягательное...

Наверное, те же чувства испытываешь, когда оказываешься лицом к лицу со свирепым хищником – его грация завораживает, но это – опасная красота, губительная...

Вот и я в тот момент испытала подобное чувство – будто бежала, спасаясь от охотника, и попала в когти ко льву...

Только как же Джоджо говорила, что хозяин вернется домой лишь через три дня?..

Секунды шли – долгие, мучительные, а мы с господином де Синдом так и стояли друг против друга, и ни один из нас не произносил ни слова.

Я опомнилась первой и сказала, стараясь, чтобы голос звучал твердо:

– Доброе утро, господин де Синд... Я – Ми... – чуть не проболтавшись, я вовремя прикусила язык и мигом исправилась: – ...милостью Божией я приехала из монастыря Святой Клятвы. Вы просили служанку... Элизабет Белл, с вашего позволения...

Что-то стукнуло меня по ноге, и я не сразу поняла, что уронила щётку для волос. Неловко наклонившись, я подняла щётку, а когда выпрямилась – в комнате никого не было.

Может, мне показалось? И хозяин дома появился только в моём воображении? Но дверь была настежь открыта...

Осторожно выглянув, я никого не обнаружила в коридоре. Прошла до входной двери – и никого не встретила. Дверная задвижка находилась в пазах до упора, и на лестнице, ведущей на второй этаж, тоже было тихо.

Наваждение какое-то... И надо запирает дверь, Миэль, если не хочешь незваных гостей. Я быстро закончила расчесываться, туго заплела косы и спрятала их под чепец, чтобы не вывалилась ни одна прядочка.

Интересно, если де Синд вернулся – он уже видел подложное письмо от настоятельницы?.. И если видел, то не догадался ли об обмане? Обмануть его, по-моему, будет потруднее, чем провести вокруг пальца госпожу Бониту. А значит, нельзя расслабляться. Надо всё время быть настороже.

Но пока можно и позавтракать. Силы мне понадобятся, это несомненно.

Обитатели дома на побережье ещё спали, и я, стараясь не шуметь, отрезала пару ломтей хлеба и положила их на решетку, чтобы подрумянились. За этим занятием и застала меня Джоджо, которая спустилась в кухню, на ходу повязывая фартук и зевая.

– Что это вы делаете? – спросила она вместо пожелания доброго утра.

– Жарю гренки, – ответила я. – Вы не откажетесь позавтракать со мной?

Она не отказалась, хотя быстро оглянулась на дверь, будто боялась, что за нами следят.

– Мне показалось, хозяин вернулся ночью? – спросила я небрежно, переворачивая наполовину поджаристые ломтики.

– Хозяин вернулся? – Джоджо удивленно посмотрела на меня. – С чего вы взяли? Он придет через три дня, у него дела в Шовинспенсере.

Я склонилась над очагом, скрывая волнение и замешательство. Теперь я совсем не была уверена, что, действительно, видела Тодеу де Синда. Может, всё это было игрой моего воображения? После того, что я пережила в последнее время, не удивительно, что мне чудится то, чего нет на самом деле.

Поджаристый хлеб был выложен на тарелку, и к нему не хватало только вишневого варенья или ароматного сыра, но можно было обойтись и без этого. Я налила в кружки кипятков и попросила заварку для чая. После недолгого замешательства Джоджо достала откуда-то с полки жестяную коробочку, расписанную пастушками и овечками, а когда открыла её – по всей кухне разнесся запах чайных листьев.

– Никому не говорите об этом, – посоветовала служанка, заваривая чай. – Госпожа Бонита страшно экономная. Она посчитает это излишней роскошью.

– Жареный хлеб и чай? – удивилась я.

– Чай мы пьем только по воскресениям. А госпожа Бонита не завтракает и не обедает, – Джоджо произнесла это с благоговением. – Тем более, сейчас – пост. Она очень набожная и от других требует того же.

– Но пост – это не голодовка, – возразила я. – Всем, а тем более – детям, нужно хорошо питаться даже в пост. Дети растут, им требуются силы.

– Им требуются палка и берёзовая каша, – хмыкнула Джоджо. – Давайте уже пить чай, у нас уйма работы.

Мы с удовольствием позавтракали, а потом Джоджо занялась завтраком для господ, а мне было поручено протереть пыль с мебели, подмести на первом этаже и вымыть пол на втором, пока де Синды не проснулись.

Судя по недоверчивому взгляду служанки, она не слишком верила, что я справлюсь с порученным делом. Я взяла тряпки, щетки и ведра, и Джоджо повела меня на второй этаж.

– До завтрака, мы всегда делаем уборку в общих комнатах и коридорах, – объясняла она, показывая, где расположена гостиная, где – столовая, библиотека и ванная комната. – Комнату госпожи Бониты надо убирать, когда она идет в церковь на службу – с восьми утра до двенадцати. Госпожа Бонита очень набожная, она задерживается в церкви до полудня, хотя служба заканчивается в одиннадцать. Но откладывать уборку не надо, потому что нужно ещё убрать комнату мальчиков и комнату барышни, пока мастер Эйбел и мастер Нейтон заняты в конторе, а Огастин, барышня и Мерси занимаются с преподавателем.

– Барышня – это Ванесса? – уточнила я.

– Да, – Джоджо указала на одну из дверей, – вот её комната. Барышня уже взрослая, поэтому живет отдельно. Она очень не любит, чтобы её вещи переставляли с места на место. Будете убирать – ничего не передвигайте.

– Понятно, – кивнула я. – Не волнуйтесь, я справлюсь. А где комната хозяина?

– У хозяина спальня, кабинет и отдельная ванная, – рассказывала служанка, распахивая дверь в конце коридора. – Хозяин редко бывает дома, так что убрать можно и после обеда. Но уборка обязательна каждый день. Когда бы ни вернулся хозяин – всё должно быть готово к его приезду.

– Мне убрать там?

– Сначала уберете общие комнаты. Когда подадут завтрак – комнату госпожи Бониты, детскую, комнату мальчиков и комнату барышни. Потом – спальню хозяина. В кабинете и ванной уборку сделаю я, господин Тодеу не любит...

– Когда переставляют его вещи? – с улыбкой закончила я.

– Не любит, – согласилась Джоджо. – Вытрите пыль, перестелите постели, протрите полы. И не копайтесь, работы много!

– Хорошо, – сделала я маленький книксен.

Служанка удалилась, а я приступила к уборке.

Дом де Синда был построен на совесть, но от этого казался старомодным и мрачным. Конечно, на берегу моря неразумно ставить легкие и ажурные дворцы, но решетки на окнах и каменная крупная кладка делали этот дом похожим на замок дракона, где положено томиться прекрасной принцессе.

Обметая углы, я все время прислушивалась к рокоту моря. Вчера оно пело мне колыбельную, а сегодня словно рассказывало чём-то, волнуясь и гневаясь. Не слишком приятное соседство, но к этому можно привыкнуть... Тем более, мне надо продержаться всего три месяца. Это совсем не много.

Когда я закончила убирать гостиную, проснулись обитатели дома.

Сначала зазвенел голос Черити – девочка что-то с апломбом кому-то доказывала. Потом раздался хохот в комнате «мальчиков», где обитали Эйбел, Нейтон и Огастин, и смеялся

именно Эйбел. Весёлый парнишка. В комнате Ванессы было тихо, но вот туда решительным шагом вошла госпожа Бонита, и сразу послышались её властный голос и хныканье Ванессы.

Подхватив ведро и метлу, я перешла в комнату госпожи Бониты.

Смахнув невидимые пылинки с мебели, я застелила постель и протерла пол, не обнаружив пыли даже под кроватью. Джоджо отлично смотрит за домом. И похоже, делает это из личных убеждений, а не за плату. Особое внимание я уделила письменному столу госпожи Бониты. Первым делом я нашла в папке для бумаг написанное мною письмо, порвала его на мелкие клочки и ссыпала их в карман передника, чтобы потом бросить в огонь. Потом я открыла ящички стола и обнаружила в одном из них перстень-печатку. На щитке был изображен корабль под парусами и буквы «VD». Непонятные буквы, но корабль – это, скорее всего, про де Синдов. И это то, что нужно для моего плана.

Я выглянула, проверив коридор. Судя по воплям детей (больших и маленьких), доносившихся из столовой – завтрак уже начался, а госпожа Бонита уже отчалила от пристани «Дом» и поплыла к пристани «Церковь». Самое время.

Поставив ведро напротив двери, чтобы любой, кто появится, его опрокинул, подарив мне несколько секунд, чтобы скрыть следы преступления, я открыла чернильницу, заточила перо и написала на тонкой писчей бумаге с вензелем королевской бумажной фабрики: «Уважаемая мать настоятельница! Обстоятельства изменились, и нам больше не требуется служанка. Приношу извинения за доставленное беспокойство». Подумав, я добавила подпись «де Синд», не написав имени, растопила воск, прислушиваясь к каждому шороху в коридоре, запечатала письмо, приложив перстень, и надписала адрес: «Монастырь Святой Клятвы, настоятельница».

Письмо тоже отправилось в карман моего передника, печать была насухо вытерта, писчие принадлежности расставлены, как раньше, и я, подхватив ведро и тряпки, отправилась в комнату барышни Ванессы.

Первое, что я почувствовала, переступив порог – сладковатый аромат пудры. Чихнув несколько раз – таким сильным был запах, я принялась за уборку, помня наказ Джоджо – ничего не переключивать, ничего не переставлять.

Комната представляла собой живописный дамский уголок, где чулки и кружевные нижние штанишки валялись вперемешку с альбомами и жемчужными бусиками. К шторам были приколоты букетики высушенных цветов, а зеркало украшали вырезанные из модного альманаха женские головки с изящными прическами.

Заправляя постель, я обнаружила под подушкой томик романов заграничного автора. «Превратности любви», – было написано на переплёте. Не удержавшись, я открыла книгу там, где страницы были заложены тканевой закладкой в виде милующихся голубков, и прочитала:

«– Джина, – произнёс бедный юноша, краснея и бледнея. – Я должен сказать вам...»

– Да, господин Эдельсон? – ответила невинная девушка, глядя ему в глаза. – Говорите, слушаю вас очень внимательно. Но что с вами? Почему вы дрожите? Вы больны?

– Всё верно, я болен, – произнёс молодой человек с непередаваемой мукой в голосе.

– О Боже! – воскликнула прелестная Джина, бледнея от ужаса. – Надо немедленно пригласить доктора! Ах, у меня сердце разрывается!.. Если с вами что-то случится... – она умолкла и спрятала лицо в ладони, покраснев так, что даже маленькие ушки под белокурыми нежными локонами стали пунцовыми.

– Неужели вы не понимаете, что от моего недуга есть только одно лекарство? – осмелел, наблюдая смущение юной красавицы, господин Эдельсон.

Он пал на колени перед её креслом, и прозвучали те самые слова, которые пронзили сердце юной девы молнией с ясных небес.

– Я люблю вас, Джина... Полюбил с первого взгляда, как только увидел...».

– Глупая Джина, ты ему обязательно поверишь, – пробормотала я, захлопывая книгу.

Мне стало горько от мысли, что Ванеса читает подобную ложь. А ведь я тоже читала такие романы... в её возрасте. И тоже мечтала и верила, что однажды появится какой-нибудь господин Краснеющий-бледнеющий и падёт на колени, признаваясь мне в любви.

Глупые и опасные мечты. И тех, кто пишет подобные романы, надо штрафовать самыми высокими штрафами. За бессовестный и заведомый обман.

Отправив книгу обратно под подушку, я нахмурилась и продолжила уборку, так выколачивая подушки, словно они были тем самым автором «Превратностей любви».

Дверь распахнулась, и в комнату влетела Ванесса. Увидев меня, она презрительно скривила пухлые губки и коротко приказала:

– Пошла вон!

– Прошу прощения, я ещё не закончила уборку... – начала я, но девушка не дала мне договорить.

– Меня не волнует, что ты там не закончила! – заявила она и очень убедительно топнула при этом. – Я желаю побыть одна! Забирай свои вонючие тряпки и убирайся!

Я не сказала больше ни слова – забрала метлу, тряпки и ведро и вышла из комнаты.

– И из этого дома убирайся! – полетел мне вслед запоздалый вопль нежной девы, читающей любовные романы.

Дверь за моей спиной оглушительно хлопнула, я вздохнула и чуть не столкнулась с Эйбелом-Рэйбелом, который стоял возле лестницы, наблюдая за мной и весело при этом скалясь.

– Моя сестричка сегодня не в духе, – произнес он с лживым сочувствием и преградил мне дорогу, когда я хотела его обойти. – Она терпеть не может капусту. Всегда злится, когда её подают. Но я никогда не злюсь. И ты можешь убираться в моей комнате, сколько хочешь. Хоть целый день и... – он наклонился ко мне и таинственно понизил голос: – и целую ночь.

– Достаточно двадцати минут, мастер Эйбел, – сдержанно ответила я, поборов желание ткнуть мокрой тряпкой ему в нос, как обнаглевшему щенку. – Не беспокойтесь, я очень быстро уберу в комнате для мальчиков.

Я угадала – ему это не понравилось.

– Вообще-то, я – далеко не мальчик, – заявил он, не скрывая раздражения. – И если ты сомневаешься...

Договорить он не успел, потому что мимо нас прошел, стуча башмаками, Нейтон. Он смерил меня и Эйбела презрительным взглядом и сказал:

– Она ещё и дня тут не пробыла, а ты уже готов задрать ей подол.

– Завидуй молча, – заявил, ничуть не смутившись, Эйбел.

– Я иду в контору, – ответил Нейтон с холодным бешенством. – А ты можешь оставаться дома, любезничать со служанками. Я так и скажу отцу, когда он спросит, чем ты занимался в его отсутствие.

– Попробуй сказать только слово, малыш, – лениво ответил Эйбел, хитро посматривая на меня.

– С вашего позволения, – я не стала слушать, чем закончится беседа двух любящих братьев, и пошла вниз по лестнице, чтобы сменить воду.

Набрав ведро, я поднялась обратно на второй этаж, заранее предвидя, как завтра будут гудеть ноги, уже привыкшие к праздности. Что ж, это пройдет. В детстве я бегала наравне с братьями – и не знала усталости. Могла тогда – смогу и сейчас.

По понятным причинам я выбрала детскую, оставив комнату мальчиков напоследок. Мне требовалось набраться сил и успокоиться, прежде чем снова столкнуться с непристойными насмешками Эйбела, откровенным презрением Нейтона и... что там ещё устроит третий брат – Огастин.

В детской на полу был послан пестрый ковер с толстым и пушистым ворсом. На ковре валялись игрушки – куклы, крохотные чайные чашечки, изящные коляски, запряжённые дере-

вянными лошадками. Я собрала игрушки в корзину и задумалась, глядя на ковер. Раньше мне никогда не приходилось их чистить, и я не знала, как это делается. В доме моих родителей такой роскоши не водилось, а попав в дом графа Слейтера, я никогда не занималась уборкой.

Чем же его?..

Метлой? Или тряпкой?..

Но разве его можно мочить?

Надо спросить у Джоджо. А если она расскажет хозяевам, что я даже не умею чистить ковры? Время шло, а я стояла перед этим пестрым монстром и не знала, на что решиться.

– На что ты смотришь? – услышала я за спиной голос Черити, и чуть не подпрыгнула от неожиданности.

Девочка вылезла из-за полога на кровати и теперь с холодным любопытством, совсем не по-детски, смотрела на меня. На ней была ночная рубашка, и русые локоны, ещё не убранные в причёску, рассыпались по плечам, обрамляя милое кукольное личико.

– Любуюсь твоими игрушками, – нашлась я с ответом. – А почему ты здесь? Ты не завтракала?

– Сказала, что плохо себя чувствую, – она сморщила курносый нос. – Сегодня среда. А по средам всегда кормят этой ужасной капустой. Терпеть не могу капусту. И мама её тоже не могла терпеть. И Ванесса не любит.

– Капуста полезна...

– Вот сама её и ешь, – Черити высокомерно посмотрела на меня. – Лилибет. Так зовут кошку моей подруги. У тебя имя, как у кошки.

– Мое имя – Элизабет, – мягко поправила я её, протирая подоконник и стол, решив оставить ковер до лучших времен. – Это означает «Божья клятва». Красивое и древнее имя. Так звали праведную мать пророка Иоанна.

Девочка поджала губы, но спорить против святого имени не осмелилась.

Пока я застилала вторую постель и мыла пол, Черити следила за мной с зоркостью коршуна. Я так и не осмелилась приступить при ней к чистке ковра, понадеявшись, что разберусь с ним позже.

– Доброго дня, – пожелала я девочке, выходя из комнаты.

Черити что-то проворчала, и я была почти уверена, что она произнесла «Лилибет».

– Идёшь к нам? – позвал меня Эйбел.

Оказывается, он стоял в коридоре, поджидая меня.

Я строго посмотрела на высокого парня, который подпирал стену, скрестив на груди руки, и сказала очень спокойно:

– Сначала уберу комнату вашего отца, если позволите. Мастер.

– Эх, какая... – прищёлкнул он языком. – Хорошо, позволяю.

– Благодарю, – я сделала книксен и прошла мимо Эйбела в комнату господина де Синда. Неужели, этот противный мальчишка будет дальше караулить меня? И не такой уж он мальчишка...

Я поставила ведро и огляделась.

Комната хозяина дома не отличалась роскошью. Кровать и сундук в углу – вот и всё убранство. Ковров на полу не было, кровать без полога, на стене висит тёмно-синий камзол с серебряным галуном и дутыми серебряными пуговицами. Бережливый де Синд бережлив во всем? Хорошо, если его бережливость не нашепчет платить мне нищенское жалование.

В комнате пахло солью и водорослями – я ощущала этот запах на протяжении двух недель и безошибочно его узнала. Всё тут было пропитано запахом моря. Даже камзол – по виду новый, словно его ни разу не надевали – пропах морем насквозь.

Смахивая пыль с подоконника, я поняла, откуда этот запах моря. В отличие от других комнат, в этой комнате рамы не были заклеены на зиму. Снизу до половины стекла покрывал серебристо-белый морозный узор. Наверное, хозяин не любил тепло и часто открывал окна.

Джоджо велела не заглядывать в кабинет и ванную комнату, но я не удержалась.

Увы – и эти комнаты не рассказали мне ничего нового о своем хозяине.

В кабинете у окна стоял массивный письменный стол, а перед ним – не менее массивное кресло. Но я и так знала, что господин де Синд – мужчина внушительных размеров.

Ванная комната тоже была полупустой – комод для белья и купальных принадлежностей, два табурета, жаровня на изогнутых ножках. Зато поражала воображение огромная ванна, в которой могли бы искупаться трое.

Разве так должны жить богатые аристократы? Против воли я вспомнила дом своего мужа. Вернее, не дом – дворец. Изящная мебель, мозаичные полы, всюду ковры, на окнах – бархатные шторы... Мой муж любил роскошь и удобства. И его ванная комната была из мрамора, с бассейном, лежанкой для массажа и огромными зеркалами до самого потолка.

Но не надо вспоминать о прошлом. Я ведь обещала себе, что прошлая жизнь осталась позади, и надо позабыть её, как страшный сон.

Взявшись за метлу, я начала подметать и без того чистый – ни единой пылинки! – пол, и тут заметила кое-что очень знакомое... Прислонив метлу к стене, я взяла с письменного стола помятый лист бумаги, придавленный пресс-папье.

Неужели, это...

Перевернув лист, я поняла, что не ошиблась. Это было объявление о награде за поимку графини Слейтер. Скорее всего, оно приехало вместе со мной на «Звезде морей».

А вдруг де Синд узнал меня?! И сейчас по заснеженным улицам Монтроза торопятся королевские гвардейцы, чтобы арестовать преступницу графиню Слейтер!..

Первым моим порывом было порвать опасную бумагу и бежать из этого дома, но потом я одумалась, глубоко вздохнула и положила объявление точно так же, как оно лежало до этого. Нет, он не мог меня узнать. Женщина на объявлении совсем не похожа на меня. И если бы узнал, уже привёл бы гвардейцев, а я спокойно проспала ночь. К тому же, бежать мне некуда – только если в трактир мамыши Пуляр, а там точно не укрытие. И моё бегство вызовет подозрения. И вдвойне подозрительно, если я уничтожу объявление и привлеку внимание к графине Слейтер.

А зеленоглазых женщин может быть... сколько угодно. Да, сколько угодно!..

Торопливо вымыв пол, я покинула комнату хозяина и в очередной раз отправилась вниз, сменить воду, а потом – опять вверх. Если проделывать это каждый день, то через месяц у меня будут мышцы, как у акробата из королевского театра.

Предварительно постучав, я открыла двери в комнату мальчиков, не спеша переступить порог. Но в комнате никого не было, и я воспользовалась случаем, чтобы совершить молниеносную уборку.

Три кровати, стоявшие рядком, меня озадачили. Эйбел, Нейтон, Огастин, Логан... Должно быть четыре постели. Или Эйбел спит где-то в другом месте?

Над одной из кроватей была прибита широкая полка, вся заставленная моделями кораблей. Я остановилась на минутку, чтобы рассмотреть эти игрушки – они были сработаны очень тонко и со знанием дела. Можно было разглядеть все снасти до последнего канатика, и даже стоявшего у штурвала бравого капитана, ростом около дюйма, с трубкой в зубах.

Я закончила уборку в половине двенадцатого, выполоскала тряпки, почистила снежком метлу, а потом вошла в кухню, где Джоджо длинной деревянной ложкой помешивала очередное варево в котелке над огнем.

– Всё сделано, сударыня, – сказала я. – Можно ли мне отлучиться на час? Хочу отправить письмо матушке-настоятельнице, что добралась благополучно.

– Не получится! – служанка отвернулась от огня – лицо её было красным от жара. – Госпожа Бонита прислала записку, что задерживается и будет только к вечеру. Она поручила мне срочно купить нитки и иголки для шитья, зайти к модистке, чтобы забрать бельё, и принести ей кружева на новое платье. Я вернусь только к вечеру, так что сегодня занимаетесь домом и детьми. Отправьте письмо завтра.

– Хорошо, – нехотя согласилась я.

Фальшивое письмо жгло меня даже через одежду. Мне не терпелось избавиться от него. Ждать до завтра... это долго.

– Я почти доварила кашу, – Джоджо сунула ложку мне в руку, – помешивайте и снимите с огня через десять минут. Потом поставьте на край очага, чтобы хорошенько пропарилось. В два часа накроете на стол. Как раз закончатся занятия, и придут мастер Эйбел и мастер Нейтон. Не забудьте – каша, хлеб, чай. Капусту полейте постным маслом.

– Сегодня я уже наслушалась про эту капусту, – осторожно возразила я, – детям она не нравится. Может, если есть орехи...

– Вы с ума сошли?! – возмущенно перебила меня Джоджо. – Это распоряжение госпожи Бониты. Извольте слушаться. А к вечеру сварите похлебку из бараньего гороха, я его замочила. Справитесь? Да что я спрашиваю! – не дождавшись моего ответа, она сняла фартук и повесила его на спинку стула. – Не справитесь – вас рассчитают сегодня же. Госпожа Бонита шутить не любит.

– Справлюсь, не беспокойтесь, – пообещала я очень серьезно.

– И ещё, – служанка остановилась на пороге. – Не забудьте принести поесть Логану. Он на чердаке.

– На чердаке? – переспросила я. – Но почему...

– Всё, я убежала! – свирепо перебила меня Джоджо и в самом деле убежала.

Я услышала стук её башмаков, потом хлопнула входная дверь, и в доме стало тихо.

– На чердаке? – пробормотала я, помешивая то, что должно было быть кашей, но на самом деле являлось каким-то странным пюре тёмно-коричневого цвета.

Я успела проголодаться, потому что завтракали мы с Джоджо рано утром, а время уже перевалило за полдень. Но попробовать это жуткое варево я не решилась. Принюхиваясь и разглядывая обед, который мне предстояло подать, я с трудом узнала зеленую чечевицу, разваренную вдрызг. Сюда не помешали бы лук и чеснок, и немного черного перца для аромата... Хотя, и это бы не спасло блюдо.

Подумав, я осмотрела кухню и была удивлена скудными запасами. Немножко муки, полбутылки постного масла – самого дешевого, резко пахнувшего. Неудивительно, что дети ненавидят капусту, если её поливают именно этим маслом... Я нашла четыре головки лука и несколько зубчиков чеснока, полмешка овса – грубого, не обрушенного, и рыбы хвосты в холодной кладовой, замерзшие до состояния льдышек. Единственное, что радовало – мешок орехов, стоявший у стены. Орехи – вкусная и полезная пища. Но как часто её дают детям?

Возможно, в этом доме просто строго соблюдают пост?

В половине второго я поставила на поднос тарелки, положила ложки, нарезанный ломтями серый хлеб и понесла всё это наверх, в столовую.

Заглянув по дороге в гостиную, я увидела согнутые спины близнецов – они что-то писали в тетрадах под диктовку незнакомого мне молодого человека в сером поношенном сюртуке.

Ванесса сидела в кресле и читала книгу. Вряд ли это были любовные романы, потому что вид у девушки был до оскомины кислый, и она то и дело зевала украдкой.

– Вы дочитали главу, барышня? – спросил молодой человек, пока близнецы, высунув языки от усердия, дописывали последние слова.

– Да, – ответила Ванесса таким несчастным тоном, словно это она перемыла половину дома.

– Прошу вас пересказать вкратце... – молодой человек заложил руки за спину и с полупоклоном подошел к девушке.

«Учитель», – поняла я и на цыпочках отошла от двери, не мешая занятиям.

Потом я заправила капусту маслом, морщась от резкого запаха, выложила кашу в глубокую миску и ровно в два понесла всё наверх.

– Пора обедать, – позвала я близнецов и Ванессу.

Молодой человек обернулся и поклонился мне, застенчиво улыбаясь. Лицо у него было очень приятным – с тонкими правильными чертами, но больше всего подкупало его открытое и приветливое выражение. Глаза у юноши были голубые, волосы – светлые, а брови и ресницы, наоборот, очень тёмные. Больше всего ему подошло бы петь в церковном хоре рождественские песни, изображая ангела.

– Пообедаете с нами, мастер? – спросила я с некоторым сомнением, потому что пригласить гостя на такую постную трапезу казалось мне неудобным.

– Могу я узнать, кто вы? – не удержался он от вопроса. – Я не видел вас раньше. Вы – родственница господина де Синда?

– Она – служанка, – заявила Ванесса. – Умоляю вас, мастер Берт! Какая ещё родственница?

– Вы?.. – учитель потерял дар речи, изумленно вскинув брови и хлопая своими ангельскими тёмными ресницами.

– Я, – подтвердила я, не удержавшись от улыбки, и сделала книксен. – Всего лишь служанка, мастер. Так вы пообедаете с нами?

Но молодой человек избавил меня от неловкости, заверив, что уже уходит, благодарен за приглашение, но торопится к другому ученику.

– Вот и торопитесь, – Ванесса со стуком захлопнула книгу. – И больше не приносите мне таких скучных книг. Их можно читать только перед сном – сразу начинаешь клевать носом!

Она поднялась из кресла и сунула книгу в руки опешившему юноше.

– Всего доброго, мастер Берт, – сказала она с нажимом. – Поторопитесь, а то опоздаете к другим ученикам.

Ванесса вышла гордо, как каравелла, а мне только и оставалось, что пожать плечами и сказать юноше, который, прижимая к груди книгу, с тоской и обидой смотрел «каравелле» вслед:

– Не принимайте близко к сердцу. Сегодня у нас к столу квашеная капуста. Это всем портит настроение.

Глава 4

Отпрыски де Синдов совсем не обрадовались, когда увидели, что приготовлено на обед. Ванесса сморщила нос, Эйбел от души обругал и капусту, и кашу, заявив, что такими помощниками не кормят даже арестантов в королевской тюрьме. Нейтон помрачнел, как туча, и мрачно вгрызся в ломоть хлеба, даже не притронувшись к ложке, и принялся ворчать, что капуста воняет. Близнецы, воспользовавшись тем, что я отвернулась, вывалили содержимое своих тарелок в чашку Черити, которая тут же возмущенно завопила.

– Прекрати кричать! – одернула её Ванесса. – От тебя уже голова болит!

– Не буду есть эту гадость, – ответила Черити, хмуря брови. – Мертин – хитренькие!

Какой Мертин? Где она увидела Мертина?

Я была совершенно задёргана, подавая к столу то воду, то ячменный чай, принося чистые ложки и вилки взамен упавших на пол – и справедливо полагала, что падают столовые приборы вовсе не случайно. А тут ещё Черити со своим Мертином, и Эйбел, всё время норотивший ухватить меня за юбку, когда я проходила мимо.

В конце концов, Ванесса бросила ложку на стол и заявила:

– Обед был отвратительный. Так и скажу тётушке, когда она вернётся.

– Мне очень жаль, барышня... – начала я, но Эйбел перебил.

– Да брось ты, сестрёнка, – сказал он вальяжно, – будто вчера и позавчера нас кормили вкуснее, – и он подмигнул мне, словно невзначай проведя пальцем по губам.

Сразу видно – избалованный, настырный, невоспитанный юнец. Я не прониклась его защитой и начала молча собирать тарелки со стола. Дети разбежались, Ванесса гордо удалилась, и только Эйбел и Нейтон сидели за столом. Эйбел развалился на стуле, лениво поглядывая на меня из-под ресниц, а Нейтон хмуро догрызал корку. Я подумала, что он не уходит, потому что не желает оставлять меня наедине со старшим братом. Судя по взглядам, которые бросал на меня мастер Нейтон, я ему совсем не нравилась. Вряд ли он остался, чтобы заступиться за меня, если Эйбел начнёт ухаживать. Возможно, беспокоится за брата? Чтобы служанка его не соблазнила, такого влюбчивого? Отчего-то я была уверена, что Эйбел-Рэйбел не одну меня удостоил своим вниманием.

– Могу я спросить... – сказала я, стараясь не замечать слишком явной симпатии одного и неприязни другого.

– Говори, – тут же поставил локти на стол Эйбел, подперев голову и расплывшись в улыбке.

– Признаться, даже в моём монастыре так строго не соблюдали пост, – начала я осторожно вызнавать порядки этого дома. – А здесь – маленькие дети... Разве им не полагается послабление?

– А что, перед Богом мы делимся на маленьких и больших? – съязвил Нейтон. – Перед Богом все равны, и все должны соблюдать правила!

– Да погоди ты, – добродушно одёрнул его брат и сказал мне, состроив жалобную физиономию: – Отец и тётя у нас такие правильные – просто до оскомины...

Нейтон свирепо дёрнулся, но Эйбел только расхохотался и продолжал:

– Поэтому мы лопаем эту отвратительную кашу и эту мерзкую капусту. Для поддержания духовных сил. Но если хочешь, могу сводить тебя в одно чудное местечко, там даже в пост можно отлично поесть...

– Вот я всё расскажу отцу! – вспылил Нейтон вскакивая. – И донесу на этого гада Вилсона! Чтобы не торговал мясом в пост!

– Что ты так разволновался? – Эйбел и бровью не повел. – И с чего решил, что Вилсон продает мясо? Всего-то раковые шейки.

– Ага, ага! – презрительно скривился Нейтон.

– С вашего позволения, мне ещё отнести обед Логану, – я забрала поднос и поскорее ушла, чтобы не присутствовать при ссоре братьев.

Голос Нейтона – недовольный, ломающийся – был слышан даже на первом этаже. Значит, мастер Нейтон – поборник нравственности. И свято уверен, что и его отец – такой же.

– Ага, ага, – прошептала я сама себе, невольно вспомнив последнюю встречу с господином де Синдом.

По телу сразу прошли сладкие токи – от самой макушки до пяток. Как будто я снова оказалась у окна, подставляя лицо солнцу... Я искала тихий, богатый дом и добрых хозяев, чтобы спрятаться на зиму, а оказалась... совсем не в тихом доме, и у странных хозяев. Впрочем, господин де Синд не производил впечатление странного. Но впечатление он производил...

Размышляя об этом, я спустилась в кухню, заново наполнила поднос и отправилась на чердак, чтобы покормить малыша Логана. Почему он на чердаке? Наказан?

Я совсем запыхалась, пока добралась до чердака – по сути, он был четвертым этажом этого дома, и ступенек в лестнице, ведущей наверх, было очень, о-очень много!

Дверь противно заскрипела, когда я толкнула её плечом.

– Логан? – позвала я от порога, потому что на чердаке было полутемно – треугольные маленькие окна были закрыты деревянными ставнями, и сиротливо горел один только крохотный светильничек под стеклянным закрытым колпаком. – Логан, я принесла тебе поесть...

Чердак был огромным, и здесь было ещё холоднее, чем в доме. Я поёжилась и оглянулась в поисках ребёнка. Даже если он наказан, слишком жестоко заставлять его сидеть здесь полдня – в холоде и без солнца.

Я чуть не наступила на мальчика – он сидел на разложенной на полу постели, поджав ноги и скорбившись, словно старик. Он даже не поднял голову, чтобы посмотреть на меня.

– Что же ты не отвечаешь? – спросила я ласково, хотя мне стало жутко и от молчания Логана, и от его обречённого вида.

Что такого должен был натворить маленький мальчишка, если он так переживает?

Встав возле постели на колени, я поставила рядом поднос, взяла чашку с кашей и ложку, и протянула Логану.

Я была почти уверена, что он откажется есть, но мальчик схватил чашку с такой жадностью, что часть каши выплеснулась на постель. Глядя, как он уплетает это невероятно неаппетитное блюдо, я только покачала головой. Логан казался мне слабым, бледным и почти прозрачным – такого надо откармливать крепким куриным бульоном и вкусными пирогами, чтобы щеки округлились, и на них появился румянец. А чечевица... Нет, это слишком суровый пост.

– Когда тебе разрешат спуститься, – продолжала я, – приходи в кухню, расскажу тебе сказку, как храбрый мальчик победил троллей...

– Он не спустится, – услышала я пронзительный голосок Черити.

Оглянувшись, я увидела и её саму – девочка тоже поднялась на чердак и теперь стояла на расстоянии шагов пяти от нас с Логаном, заложив руки за спину и посматривая на нас сверху вниз. Она по-прежнему была в ночной рубашке, с неприбранными локонами, и походила на рождественского ангелочка, каких делают из марципана.

– Логану не разрешают спускаться, – повторила она и улыбнулась – холодно, почти с ненавистью.

Было странно видеть подобную гримасу на милом детском личике. И я невольно положила руку Логану на плечо, словно пытаюсь его защитить.

– Тётя говорит, что он будет сидеть здесь до самой смерти, – продолжала болтать вздор девчонка, – а если попробует сбежать или станет шуметь – придут чердачные тролли и съедят его. Даже косточек не оставят.

Пустая чашка вывалилась из рук Логана, и я поспешила сделать Черити внушение, приобняв малыша, который снова затрясся, как осиновый лист.

– Тролли не трогают тех, кто хорошо ест, – сказала я, поглаживая Логана по вихрастой голове. – Логан съел свою порцию, и теперь ему ничего не страшно. А как пообедала ты, Черити?

Девочка смешалась, но тут же выпятила подбородок:

– При чем тут это? – произнесла она мрачно и усмехнулась совсем не по-детски. – Чердачные тролли приходят за преступниками...

– Но Логан не преступник, – возразила я.

– ...и за убийцами, – закончила фразу Черити, и уже не только Логан, но и я вздрогнула.

– Но Логан – не убийца, – я постаралась говорить твердо, убеждая себя, что Черити – всего лишь болтушка, и она знать не знает о моем прошлом.

– Убийца, – легко ответила девочка и почесала мочку уха, сразу же превратившись в милую куколку, как и соответствовало её возрасту. – Его обязательно сожрут тролли, потому что он убил мою маму.

После этих слов Логан вывернулся из-под моей руки и рухнул лицом в подушку, зажимая уши. Черити смотрела на него безо всякого выражения, но что-то мне подсказывало, что она была довольна тем, какое впечатление произвели её слова.

– Не надо обвинять его, – я растерялась, потому что это было ужасно – наблюдать такую злобность, такую мстительность в хорошенькой маленькой девочку.

Да ещё злость к кому – к собственному брату!

– Логан ни в чем не виноват, – произнесла я, стараясь казаться спокойной. – На всё – воля небес. А тебе, Черити, лучше вернуться в свою комнату. Ты в одной рубашке, можешь простудиться.

– А тебе пора готовить ужин, Лилибет, – скорчила она рожицу. – Только я всё равно не стану есть эту гадость. И никто не станет. И тебя выгонят отсюда, – она помолчала и добавила: – Так Ванесса сказала.

– Ты права, мне пора заняться ужином, – я погладила Логана по голове. – Вечером снова зайду проведать тебя, малыш. Не грусти и не бойся. Чердачные тролли тебя не тронут, обещаю.

Жалкие слова утешения, но я не знала, как ещё приободрить малыша. Мне казалось, что лучшим лекарством от детской грусти могут быть только игрушки и сладости. Но ни того, ни другого у меня не было, а вечером всех ждала гороховая похлебка и...

Гороховая похлебка. Её никогда не подавали в доме графа Слейтера. Горох – пища для бедняков и работяг. Еда, недостаточно утонченная для аристократов. А вот моя мама часто готовила гороховый суп. И гороховую кашу. И когда нам хотелось сладкого...

– Идём, Черити, – сказала я, поднимаясь. – Если ты уже выздоровела, то надень платье и приberi волосы.

– Я больна, – она презрительно скривила губы.

– Тогда тебе лучше лечь в постель. Иначе госпожа Бонита подумает, что ты пыталась её обмануть.

Упоминание о строгой тёте подействовало, и Черити исчезла, будто её ветром сдуло.

– До вечера, Логан, – сказала я и с тяжелым сердцем покинула тёмный и промозглый чердак.

В кухне я подкинула в очаг дров и застыла, глядя в огонь. Какой-то неправильный дом. Дети здесь не похожи на детей. Тётушка, которой полагается баловать малышкой, больше напоминает надсмотрщика. А отец... Отец – преступник. И рискует не только своим состоянием, но и благополучием семьи. И всё ради чего? Ради собственного удовольствия. Чтобы пощекотать нервишки. Заплатил триста солидов за контрабандный товар... Лучше бы купил жирной рыбы и постных сладостей детям. И шёлковые юбочки дочерям. Но ведь это – совсем не моё дело...

Я перемыла посуду, оставшуюся от обеда, пообедала сама, поджарив на огне пару ломтиков хлеба и заварив чай из запасов Джоджо. Теперь мечтой казались даже перловая каша со «Звезды морей» и пудинг из трактира мамы Пуляр.

Накинув пальто, я взяла ведро с грязной водой и отправилась на задний двор, чтобы вылить её. Снег всё падал, и теперь город походил на сказочную зимнюю деревню с картинки. Только море по-прежнему грозно билось в берег, слизывая со скал белые полосы снега – как сладкоежка рассыпанную сахарную пудру.

Когда я шла обратно с пустым ведром, что-то тяжёлое и мягкое свалилось мне прямо на голову, сбив чепец. Что-то тяжёлое, мягкое и... мурчащее. Острые коготочки царапали по воротнику пальто, и я засмеялась, схватив в охапку мою старую знакомицу – рыжую кошку.

– Ты меня преследуешь? А вот зря, – сказала я ей, щёлкнув по розовому лоснящемуся носику. – Если я позаботилась о тебе один раз, это не значит, что хочу становиться твоей хозяйкой. И что теперь прикажешь с тобой делать?

Естественно, она мне не ответила, зато заскребла лапками, пытаясь залезть ко мне за пазуху.

Кошка была вся в снегу, и подвеска на ошейнике сбилась в сторону.

– Попалась собакам? – догадалась я, поправляя на ней ошейник. – А кто тебя просил убежать от хозяев?

Кошка замыкала тоненько и жалобно, но я всё равно усадила её в снег.

– Принесу тебе поесть, – сказала я, будто она могла меня понять, – но в дом не пущу, даже не просись. Я и так там на птичьих правах, а если ещё приведу тебя...

Всё-таки рыжая-бесстыжая попыталась проскользнуть в двери следом за мной, но я не позволила и оставила её на крыльце. На мой взгляд, кошка в доме никому бы не помешала, но вряд ли строгая тётушка Бонита одобрила бы её появление.

Из угощения я могла предложить только рыбий хвостик и кусочек хлеба, но когда вышла на крыльцо, кошки уже не было.

Может, мне надо было сразу выпустить её? Обогрелась бы, и никто не заметил...

Но что сделано – то сделано. Я вернулась в кухню и застыла на пороге, потому что первое, что увидела – была рыжая кошка, преспокойно лежавшая у очага и вылизывавшая лапку.

– Ты как сюда пролезла?! – поразилась я и на всякий случай оглянулась – не стоят ли в коридоре Черити или близнецы, а то и строгая госпожа Бонита. – Ты... – я подошла к кошке, но она подняла на меня мордочку с самым невозмутимым видом, – Ты – пронира, вот ты кто!

Я положила перед кошкой хлеб и хвостик, но она даже носом не повела.

– Ещё и лакомка! Тогда ничего не получишь, – поругала я её, но потом смягчилась. – Ладно, оставайся. Но если Джоджо или госпожа Бонита тебя прогонят...

Налив в котелок воды, я повесила его над огнем и достала миску с квашеной капустой, а потом открыла бутылку с постным маслом. По всей кухне тут же пошел кислый, резкий запах.

Кошка зашипела, вскочила и чихнула.

– Даже ты нос воротишь, – сказала я ей со вздохом, заправляя капусту маслом. – Что же говорить об этих бедных детях?

Кошка ещё раз чихнула и начала точить когти о мешок с орехами, поглядывая на меня так хитро, словно предлагала стать участником бунта на корабле... то есть в доме де Синдов.

– Не подбивай меня на самовольство, – погрозила я ей пальцем. – Мне сказали приготовить гороховый суп, и я намерена его приготовить.

Кошка фыркнула, как будто усмехнулась, а я опять замерла, уставившись на мешок, полный орехов.

Конечно же я не думала, что она понимает меня, и разговаривала совсем не с кошкой, а с собой... Но что-то подталкивало... что-то заставляло бросить вызов всем этим правильным

постникам, которые в своем религиозном рвении готовы были уморить детей голодом... И вряд ли я осмелилась бы на это, если не оказалась рядом рыжая кошка...

– Ладно, уговорила, – сказала я решительно и завязала фартук покрепче. – Устроим им настоящий *постный* ужин.

Глава 5

Когда Джоджо ворвалась в кухню, кошка была благополучно спрятана в моей комнате, а я с удовольствием ужинала. Передо мной стояли тарелка с супом, чашечка гороховой каши и несколько меренг на блюде.

– Вы что тут устроили?! – произнесла служанка свистящим шёпотом. – Госпожа Бонита в ярости! Она вас убить готова!

– Убьёт? – поинтересовалась я, отправляя в рот ещё одну ложку супа.

– Немедленно идите к ней, она вас требует, – голос Джоджо дрожал, но непонятно от чего – от страха или от негодования.

– Отправляюсь немедленно, – заверила я её, поднимаясь из-за стола. – Кстати, ваша порция – вот здесь. Я поставила суп и кашу на угли, чтобы были теплыми, когда вернётесь, а меренги положила на...

– Вы – сумасшедшая! – Джоджо схватила за голову, сменяя чепец. – Какие меренги?! Сейчас пост!

– Всё будет хорошо, – заверила я её и отправилась наверх, в комнату хозяйки.

Джоджо поплелась следом за мной, что-то бормоча себе под нос. Она удручённо качала головой и время от времени всплёскивала руками. В отличие от служанки, я не чувствовала никакого беспокойства. Я была права. И намеревалась доказать свою правоту.

– Разрешите войти, госпожа де Синд? – спросила я, постучав в дверь и чуть приоткрыв её.

– Входите! – послышался из комнаты тонкий и злой голос хозяйки.

Я вошла, спокойно встретив взгляд госпожи Бониты, сидевшей в своем кресле, с книгой на коленях. Судя по всему, даму переполнял гнев, и она тотчас излила его на мою голову.

– Как вы посмели, дерзкая девчонка!.. – начала она, глотая от волнения слова. – Вы... соблазнительница! Растрительница!.. Вы точно из монастыря? Я бы назвала вас исчадьем ада! Грешницей!.. Блудницей вавилонской!..

Переждав, пока поток её красноречия немного иссякнет, я спросила – тихо и с уважением, как и полагается прислуге:

– Прошу прощения, госпожа де Синд, но я вас не понимаю. В чём моя вина?

Дама задыхнулась и схватила за сердце.

– И вы... ещё... спрашиваете?! – выдавила она, в конце концов. – Чем вы накормили сегодня моих племянников, негодяйка? Сейчас пост, а вы... вы скормили им скромные блюда!..

– Прошу прощения, – возразила я, повышая голос, потому что дама пустилась перечислять новые метафоры, описывающие мою греховность, – но все блюда, которые были поданы сегодня вечером – постные.

– Что?! – взвизгнула госпожа Бонита.

Краем глаза я заметила, как в комнату заглянула Джоджо, но сразу же исчезла – быстро и бесшумно, словно призрак.

– Все блюда были постными, – повторила я, сделав в сторону хозяйки полупоклон. – Рождественский пост – он не строгий, поэтому рыба разрешается.

– Рыба! – она уже знакомым мне жестом захлопнула книгу. – Потрудитесь объяснить, с каких пор молоко и яйца стали разрешены даже в нестрогий пост?!

– Там не было ни молока, ни яиц.

– Вы намекаете, что я сошла с ума?!

– Никоим образом, госпожа, – я улыбнулась ей, и эта улыбка окончательно добила хозяйку, заставив потерять дар речи. Воспользовавшись этим, я продолжала: – Если вас смущает рыбный суп, то я не добавляла туда молока. Вернее, не добавляла коровьего молока, а

только ореховое. Меренги сделаны из гороховой воды, и для них так же не использовались животные продукты. Прошу прощения, госпожа, но я не нашла в вашей кухне ни молока, ни яиц, ни...

– Полагаю, вопрос по ужину исчерпан? – услышала я знакомый рокочущий голос, который звучал сейчас холодно и недовольно.

От неожиданности я ахнула, потому что не знала, что в полутемной комнате, пропахшей рыбьим жиром, находится ещё кто-то кроме нас.

Но... находился. И я сразу поняла – кто именно. Господин Тодеу де Синд. Аристократ, контрабандист и лев в одном лице.

Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и наблюдал за нами – за мной и за своей сестрой.

Я настолько не ожидала увидеть хозяина дома, что растерялась и замолчала, а госпожа Бонита, наоборот, обрела голос.

– Никогда не слышала такого бреда, – заявила она сердито. – Как меренги могут быть приготовлены...

– Как она могла приготовить меренги из яиц, если их не было? – господин Тодеу говорил негромко, но его рокочущий голос, казалось, заполнял всю комнату до самого потолка. – Яиц и молока не было в вашем списке, дорогая Бонита.

– Меренги вполне можно приготовить из гороховой воды, – сказала я, немного придя в себя. – Вы просто взбиваете её, добавляете сахар и... и выпекаете, как обычно.

«Дорогая» Бонита поняла, что эту битву она проиграла, но сдаваться не собиралась.

– Хорошо, пусть вы соблюдли все правила, – согласилась она, – но кто позволил вам внести изменения в меню? Такая расточительность...

– Прошу прощения, – я уже полностью оправилась и снова готова была выступить собственным адвокатом, – но если посчитать сумму, то суп из рыбных хвостов и орехового молока обошёлся дешевле, чем похлебка из гороха или рагу из овощей. В начале зимы овощи начинают дорожать, а рыба – она всегда доступна. Тем более, использовались самые дешёвые её части – хвосты и головы. В целом, за этот вечер я сэкономила для вас около двух серебряных монет. Могу посчитать точнее, если это так важно, госпожа, – я спохватилась и добавила, сделав книксен в сторону хозяина дома: – господин...

– Вы ещё и считать умеете, милочка? – осведомилась госпожа Бонита с оскорбительным высокомерием.

– Немного, – ответила я сдержанно. – Этому меня обучили в монастыре. Читать я тоже могу.

– И всё равно я вами недовольна, – упрямылась хозяйка. – Сейчас пост, и надо быть особенно скромным в еде, а вы устроили сегодня настоящую оргию! Мне сообщили, что дети съели всё! Объедаться – тоже грех.

– Я готовила в обычном котле, госпожа, – сказала я, чувствуя, как взгляд Тодеу де Синда скользит по моему лицу – медленно, ощущаясь почти физически, и это заставляло нервничать, хотя я и пыталась сохранять самообладание. – Было приготовлено не больше, чем обычно, смею заметить. Простите ещё раз, но мне не понятно, зачем кормить детей пищей, которая им не нравится. Приятная душе пища позволит нам быть здоровыми и радостными в предвкушении Рождества.

– Пост – это не веселье, – наставительно сказала госпожа Бонита. – Пост – это покаяние.

– Но не уныние, – возразила я, бросив взгляд искоса на господина де Синда, который словно бы устранился от женского разговора, но смотрел очень внимательно. – Поститься можно и нужно, но только не с трудом, а с удовольствием. Потому что очищая душу через воздержание тела, мы не умерщвляем её, а возрождаем для светлого праздника. Что может быть радостнее?

– Говорите-то вы красиво! – взорвалась госпожа Бонита, окончательно потеряв терпение. Она прихлопнула книгой по столешнице и энергично ударила ладонью по подлокотнику кресла. – Вы нам не подходите, Лилибет. Так и передайте матери настоятельница.

Я собиралась возразить, но тут заговорил де Синд.

– Довольно, Бонита, – сказал он, и мы замолчали, уставившись на него в ожидании окончательно вердикта.

Хозяин дома сделал шаг вперёд, очутившись в кругу света, и заложил руки за спину с таким же упрямым видом, как и Черити.

– Прислугу в этот дом я набираю сам, – сказал он, обращаясь к сестре, и та сразу сникла. – А вы... барышня Элизабет Белл, – он сделал паузу, прежде чем назвать меня по имени, – отправляйтесь в свою комнату и подождите немного. Я только что приехал и хочу поговорить с родными без посторонних.

Только что приехал... Что ж, у главы дома были свои причины лгать насчёт своего отсутствия, это я понимала. Но зачем прогонять меня, когда решается моя судьба – остаться или уехать?

Тем не менее, я с достоинством поклонилась и ушла, тут же за порогом столкнувшись с Джоджо, которая виновато отвела глаза.

– Буду в своей комнате, – сказала я.

– Тодо, ты должен... – донеслось из комнаты, но я не стала слушать, что там станет требовать госпожа Бонита.

И так ясно, что она мечтала избавиться от меня. Хотя не ясно – почему. Неужели ей так хотелось, чтобы родные племянники ложились спать полуголодными?

Почти бегом спустившись по ступеням, я села на кровать в своей спальне, раздумывая – надо ли мне прямо сейчас собирать дорожный чемоданчик. Рыжая кошка, которую я до поры спрятала в комнате, выбралась из-под кровати и запросилась ко мне на руки. Я посадила её на колени и погладила.

– Наверное, нас с тобой вышвырнут сегодня же, – сказала я кошке, – но нашей вины в этом не будет. Мы сделали то, что должны были сделать. По крайней мере, эти несчастные дети поели вдоволь.

Я замолчала, потому что Ванессу и Эйбела трудно было назвать «несчастливыми детьми». Да и Черити не вызывала у меня умиления. Зато Логан уплетал ужин с такой скоростью, что я то и дело просила его не торопиться, потому что боялась, что он подавится.

Прошло минут двадцать, когда кошка вдруг заволновалась, спрыгнула с моих колен и грациозной трусцой убежала за сундук.

– Эй, выходи немедленно, – приказала я. – Давай свожу тебя на улицу...

Я уже собиралась отодвинуть сундук, чтобы вытащить кошку, но тут появилась Джоджо и передала, что меня ждут в кабинете господина де Синда.

Услышав, что «ждут», я успела представить, как господин Тодеу и госпожа Бонита восседают в креслах с видом ангелов, карающих грешников, но когда вошла в кабинет, обнаружила там только хозяина дома.

Господин де Синд стоял возле окна и смотрел на море, но сразу же опустил шторы и повернулся ко мне.

В этой комнате горели две светильника, и я смогла лучше рассмотреть хозяина. Он был одет в тёмный камзол безо всяких украшений вышивкой, и в белую рубашку. Вместо шейного галстука ворот стягивала черная лента, повязанная достаточно небрежно – узел сбился немного набок, и мне отчего-то захотелось его поправить. Совсем как ошейник на моей кошке.

Но сейчас передо мной была не кошка, и даже не кот, а человек-лев.

Оказаться лицом к лицу со львом – не самое приятное, что могло произойти. И снова я почувствовала ощущение спокойной силы, исходившее от этого человека. Сила, опасность, но

не подлость. Это придало мне уверенности, что он обойдется со мной справедливо и... и не придушит, когда разговор дойдет до пиковой точки.

– Мне очень жаль, барышня, – сказал де Синд, глядя прямо на меня, – но вы не подходите этому дому, вам придется уехать. Даю вам неделю на сборы, а потом вернетесь в монастырь, откуда вас прислали. Я не могу отправить вас сразу, – он отвёл глаза и подошёл к письменному столу, взяв какие-то бумаги и переложив их с места на место, – иначе люди решат, что вы в чём-то провинились. А так вы успеете придумать благовидную причину – болезнь родственников или что вам не понравилось здесь. Чему, кстати, никто не удивится. За последний год в этом доме сменилось в порядке десяти служанок.

Он замолчал, продолжая шелестеть бумагами. Не просил меня уйти, но и не спрашивал ни о чем. Я досчитала мысленно до десяти, а потом сказала:

– Но мне всё понравилось, господин де Синд. И, смею надеяться, я показала себя с хорошей стороны. Я многое умею, я очень аккуратная и старательная, не отказываюсь ни от какой работы...

– Мне сказали, что вы показали себя именно такой, – он немного смягчился, и в уголке губ мелькнула еле заметная улыбка. – К вашим умениям у меня нет претензий. Джодин просила оставить вас, вы ей понравились. И Черити тоже просила.

Это было удивительно – получить заступницу в лице девочки, которая хладнокровно грозила брату смертью от зубов троллей за убийство матери. Но об этом можно было поразмышлять позже.

– Если нет претензий, тогда – почему? – перешла я в наступление. – Позвольте мне остаться. Не прогоняйте меня. Мне... мне некуда идти.

– Вы вернетесь в монастырь, только и всего, – пожал он плечами. – Не беспокойтесь, я выплачу вам месячное жалование, потому что отказ идёт с нашей стороны. Вот деньги, – и он достал из кармана десять новеньких серебряных монет и положил их на столешницу – в ряд, одну за другой.

Я была не слишком сильна относительно размеров оплаты работы прислуги, но на эти деньги вполне можно было прожить месяца полтора. Слугам так много платят?..

– Возвращайтесь в монастырь, – повторил де Синд.

И правда – с чего бы монастырской воспитаннице просто не вернуться в монастырь, чтобы ждать другого назначения? Но только эту воспитанницу никто в монастыре не ждал.

– Я не понравилась вашей сестре и старшей дочери? – спросила я, даже не потянувшись к деньгам. – Причина в этом? Ответьте, прошу вас. Мне хотелось бы знать. Разве я сделала что-то, что могло им не понравиться?

– Вы не останетесь здесь, – повысил голос де Синд. – Но Бонита и Ванесса ни при чем.

– В чем же дело?

Да что он тянет кошку за хвост! Я начала сердиться и готова была выложить сразу всё, что собираюсь сказать, но тут хозяин произнёс:

– Дело в том, что вы очень красивы, – он произнёс это очень буднично, даже равнодушно, и упорно смотрел в сторону. – А в этом доме – трое мужчин. Оставлять вас здесь было бы неразумно.

– Трое мужчин? – спросила я холодно. – И кто же это?

Теперь он посмотрел на меня, и в серых глазах мне почудилась усмешка.

– Это я, Эйбел и Нейтон, – ответил он с преувеличенной вежливостью.

– Насколько мне известно, вас никогда не бывает дома, – сказала я, вскидывая воинственно подбородок, – Эйбел развлекается тем, что пугает служанок и хохочет по поводу и без повода, а Нейтон – всего лишь ребенок, которому нужен папочка. Простите, но я не вижу никакой угрозы своей репутации. Тем более, я не хочу возвращаться в монастырь. Прошу вас разрешить мне остаться. У меня есть ещё одно, очень ценное качество...

– Да что вы? – в отличие от меня, он, наоборот, наклонил голову, глядя исподлобья, совсем как тогда, когда ворвался без стука в мою комнату. При свете светильников глаза его сверкнули – опасно, насмешливо. Мне показалось, ещё секунда – и лев бросится на меня, как на отбившуюся от стада лань. – И что это за качество, позвольте спросить? – пророкотал господин де Синд так ласково, как мог бы зарычать лев, спрашивая у бедной лани, желает ли она быть съеденной на обед или ужин. – Вы уверены, что оно меня заинтересует?

Только сейчас я поняла, насколько двусмысленно прозвучали мои слова. Боюсь, я даже покраснела в этот момент, но приняла самый строгий и решительный вид и сказала:

– Я умею держать язык за зубами. Я же не рассказала, что произошло ночью на пристани, когда вы купили контрабандный перец.

Как я и ожидала, это произвело впечатление. Де Синд вскинул голову, окинув меня взглядом сверху вниз, и хмыкнул. Господин Контрабандист молчал, и если я что-либо понимала, сейчас он соображал, что со мной делать и как себя вести.

– Я никому ничего не сказала, – произнесла я вкрадчиво, – и не скажу. Потому что это не моё дело. Тем более, я благоразумна и ничего не сделаю во вред хозяевам, которые заботятся обо мне. Так что? Я остаюсь?

Почему я не взяла эти десять серебряников, что лежали на столе, и не сбежала из мрачного дома на побережье? Ну-у, причин было много – этих денег всё равно не хватило бы до весны, и мне всё равно пришлось бы искать работу, а здесь я уже обжилась, мне нравилась моя комната, и море так славно шумело за окном... Все эти мысли промелькнули в моей голове со скоростью морского ветра, а я продолжала снова и снова убеждать себя, что нет смысла брать деньги и убегать... Разумнее – в самом деле разумнее! – остаться... И эти дети... Я могла бы приготовить им постный сладкий пирог... и рыбу под ореховым соусом... Боже, Миэль, только не говори, что ты решила проявить милосердие там, где его никто не ждал!..

Но тут де Синд заговорил, и я быстренько и с облегчением прогнала прочь размышления о том, почему мне так понадобилось здесь остаться. Всё было сказано и теперь оставалось ждать решения.

– Хорошо, – произнёс он медленно, словно через силу. – Оставайтесь. Рассчитываю на ваше благоразумие и впредь.

– Разумеется, – заверила его я. – Благодарю, что не прогнали. Буду верно служить вам и... молчать. Мне ведь совсем не хочется, чтобы меня нашли со свернутой шеей.

Мне показалось, его позабавили мои слова, потому что он потер подбородок и вроде бы хмыкнул. Это был хороший знак – пусть лучше посмеется, чем разозлится.

– Решили меня шантажировать? – спросил он очень учтиво.

– Я бы не осмелилась.

В этот раз он почти улыбнулся, я не могла ошибиться.

– Да неужели? – де Синд оттянул ворот рубашки, как будто он душил его. – В монастыре воспитывают именно так?

– Не совсем поняла вас...

– Вы больше напоминаете королевского шпиона.

Кровь бросилась мне в лицо, но я приняла самый скромный вид и ответила:

– Уверяю вас, я – точно не шпионка. Надеюсь, вы дадите мне шанс убедить вас в моём самом преданном к вам отношении. И если я вам подхожу...

– Элизабет, – произнёс он и сделал долгую паузу, во время которой я поёжилась, потому что чужое имя, обращенное ко мне, звучало непривычно и – что скрывать? – жутковато.

– Да, господин де Синд?

– Боюсь, это мы вам не подходим.

Что-то новенькое! Я вскинула на него глаза.

– Видите ли, – он тщательно подбирал слова, пытаясь что-то мне объяснить.

Мне – объяснить? Служанке?..

– В этом доме не приветствуется роскошь, – сказал де Синд, задумчиво потеряв переносицу, – я предпочитаю воспитывать детей строго, не позволяя им никаких излишеств. Никакого баловства, только простая пища, только самая простая одежда. Я не хочу, чтобы мои дети выросли избалованными неженками. Богатство развращает. Не хочу, чтобы деньги развратили моих детей.

Я слушала очень внимательно, пытаюсь понять – он, действительно, считает, что переваренная репа и капуста – это лучшее средство воспитания? А Логан, который живёт в одиночестве на чердаке?.. Может, отец думает, что это – ради блага мальчика? Воспитание смелости, так сказать?..

– Мне кажется, такая жизнь вам не подходит, – продолжал тем временем хозяин дома.

– Считаете гороховые меренги роскошью, развращающей душу? – подсказала я.

– Нет, тут мне нечего вам предъявить. Дети были в восторге, а я очень доволен, что вы не нарушили поста. Но посмотрите на себя – вы точно не служанка в доме купца. Вы нежная, красивая, утончённая. И говорите не как девица из провинции. Ещё и грамоте обучены. Кем был ваш отец?

– Пахарем, с вашего позволения, – было очень неловко врать ему, особенно когда он смотрел на меня в упор, словно читая мою ложь, как в книге.

– Странные умения для крестьянской девушки, – он чуть прищурился, пронзая меня взглядом. – Вы ведь совсем не похожи на природную крестьянку.

Было неловко врать ему, но приходилось.

– Но и вы, господин де Синд, – парировала я, – не слишком похожи на купца.

– Вот как? – он усмехнулся и скрестил на груди руки уже знакомым мне жестом. Ткань камзола на плечах опасно натянулась, готовая треснуть под напором бугрившихся мускулов. – На кого же я похож?

Ему пришлось повторить вопрос, потому что я уставилась на его плечи, совсем забыв о реальности. Ни у кого при дворе короля не было таких мощных рук. Король не любил воинские увеселения, редко выезжал на охоту, зато ему нравилось танцевать и участвовать в спектаклях, разыгрывая всякие истории – про античных богов или героев народных сказок. Следуя королевской моде, и щёголи считали крепкое сложение и мускулы – уделом простолюдинов. Прежде всего ценились изысканная красота, грация и бледная томность. Про моего мужа со смехом говорили, что он только и способен, что обрывать лепестки розам, и муж считал это чуть ли не комплиментом.

Но мужчина, который стоял передо мной, точно не стал бы обрывать лепестки. Такого можно представить идущим за плугом, или скачущим на боевом коне в гуще сражений...

– Так на кого же, Элизабет?

Голос де Синда зазвучал приглушенно, но сильно, как прибором через закрытые ставни, и в полупустом кабинете сразу стало уютно, таинственно-тихо, и захотелось немного посмеяться, как в детстве, когда мы с братьями прятались под столом, опуская скатерть до самого пола, и мечтая о новогодних подарках. Как будто это мы с господином де Синдом спрятались ото всех, чтобы немного... посекретничать.

– Жду ответа, – произнёс он почти шёпотом, подавшись ко мне.

Светлые пряди упали на лоб, и я совсем некстати начала думать – собственный это цвет волос или седина.

– Вы похожи... – я замаялась, не зная, говорить ли правду, но в это время дверь кабинета приоткрылась и в комнату заглянула госпожа Бонита.

– Почему так долго, Тодо? – спросила она недовольно. – Я хотела поговорить с тобой о новогодних праздниках. Ванессу пригласили к мэру, наряжать ёлку. Что ты об этом думаешь?

Появление госпожи Бониты вернуло меня из небесной страны мечтаний на землю, и я почувствовала себя на редкость глупо. Ты здесь прячешься, Миэль, а не любишь мускулами и шевелюрой господина Контрабандиста.

– Думаю, что можно её отпустить, – сказал хозяин дома уже громко, и интимность, возникшая было между нами, исчезла, рассыпавшись, как волна, ударившаяся в берег.

Ой, да была ли она? По-моему, мне всё это почудилось... Разумеется, почудилось...

– Вы ещё здесь, Лилибет? – осведомилась госпожа Бонита. – Я бы вам посоветовала поскорее собрать вещи.

– Барышня остаётся, – сказал де Синд, не отрывая от меня взгляда. – Детям понравилась её стряпня, поэтому пусть стряпает дальше.

Я тоже смотрела прямо на него, и поэтому упустила возможность полюбоваться потрясенной физиономией госпожи Бониты. Зато услышала, как сестра хозяина икнула, а потом переспросила, словно не поверив собственным ушам:

– Она... остаётся?!

– Да, – коротко ответил он и отвернулся, перебирая бумаги на столе.

Я запоздало вспомнила, что где-то там лежит объявление о награде за поимку графини Слейтер.

– Тодо, как же это... – госпожа Бонита мелкими шажками прошла в комнату.

– Можете идти, Элизабет, – кивнул мне де Синд, и мне пришлось оставить брата и сестру наедине.

Ужасно хотелось подслушать, как дальше пойдет их беседа, но когда я оглянулась по сторонам, то обнаружила, что нахожусь в коридоре не одна.

У стены стояла Черити – в ночной рубашке, заложив руки за спину, окидывая меня испытующим взглядом.

– Тебя оставили, Лилибет? – спросила она, выпятив нижнюю губу.

– Твой отец разрешил мне остаться, – ответила я уклончиво, решив больше не поправлять девочку относительно своего нового имени.

Пусть зовёт, как пожелает. Это ведь не её выдумка, а госпожи Бониты. Смысл сердиться на ребенка, если он всего лишь делает то, что велит взрослый?

– Ванесса лопнет от злости, – заявила Черити, не двигаясь с места.

– А ты? – спросила я. – Это ведь ты попросила господина Тоду оставить меня?

Она на мгновение потупилась, а потом презрительно скривила губы и изрекла:

– Мне надоела капуста.

Я спрятала улыбку, и очень серьёзно сказала:

– Рада, что тебе понравились мои блюда. Я постараюсь приготовить в следующий раз что-нибудь не менее вкусное. А ты расскажи мне одну вещь...

– Какую? – мгновенно насторожилась девочка.

– Кто такой Мертин? Ты говорила о нём за столом.

Черити фыркнула совсем как моя кошка.

– Глупая, – сказала она высокомерно. – Мертин – это не он. Мертин – это они. Мерси и Огастин. Потому что они одинаковые, и они всегда вместе, – она подумала и добавила: – Нейтон говорит, что это бесит.

– Если бесит, значит, он неправ, – возразила я. – Но как всё просто... Значит, Мертин – это если взять первый слог от имени Мерси и последний от Огастина... Очень забавно. И очень подходит тем, кто понимает друг друга с полуслова. А это чудесно, когда есть кто-то, способный понимать тебя без слов. Разве нет, Черити?

Она передернула плечами и удалилась – хорошенькая кукла, у которой на всё было своё мнение и... не было своего.

Окрылённая победой, я вернулась в кухню, где Джоджо сидела на краешке скамьи, не осмеливаясь начать есть, хотя угли уже прогорели, и суп с гороховой кашей грозили остыть.

– Почему вы не ужинаете, сударыня? – спросила я весело, доставая кастрюльки и чашки, и ставя на край печи свою чашку, чтобы немного подогреть суп. – Попробуйте, всё очень вкусно. Даже детям понравилось.

– Вы... вас... – Джоджо замялась, а потом выпалила: – Что сказал хозяин?

– Он был очень добр и позволил мне остаться, – сказала я, нарезаая хлеб. – Да ешьте уже, пока совсем не остыло.

Мы расположились за столом и с аппетитом поужинали, наслаждаясь тишиной и покоем.

– Кто бы мог подумать, что ореховое молоко так изменит вкус рыбного супа, – удивленно покачала головой Джоджо. – Очень вкусно... А меренги?..

– Из воды, в которой отваривался горох, – я заварила чай и разлила его по кружкам. – Гороховую воду просто взбиваете с сахаром, и она становится точно такой же, как настоящие меренги из яичного белка. Моя мама придумала делать их, когда у нас стало очень плохо с финансами. Когда отец умер, мне было десять, а братьям – и того меньше. Но мама не хотела, чтобы мы лишились сладостей из-за нехватки денег. Вот и придумывала всякие дешёвые рецепты. Конечно, гороховые меренги – не равноценная замена настоящим...

– Нет, что вы! Очень вкусно, – Джоджо доедала уже вторую меренгу. – И кто бы мог подумать, что это – из воды, в которой варился нут! А я всегда выливала её...

– Раз господин де Синд нашёл моюстряпню сносной, – я подмигнула ей, и Джоджо неожиданно хихикнула, чуть не захлебнувшись чаем, – давайте решим, что приготовим завтра. На завтрак можно подать овсяную кашу на ореховом молоке, и напечем заварных постных пирожков – можно с рыбой, можно с тушеной капустой, или просто посыпанные сахаром. Можно купить креветок – они такие дешёвые, что просто смешно! – и зажарить их с чесноком...

Джоджо слушала меня, приоткрыв рот, будто я рассказывала ей новогоднюю сказку, но когда я заговорила про покупки, помрачнела.

– Продукты заказывает госпожа Бонита, – сказала она. – Сомневаюсь, что креветки есть в её списке.

– Тогда обойдёмся тем, что есть, – бодро произнесла я. – Что у нас есть?

Служанка с готовностью начала перечислять продукты, но остановилась на полуслове, глядя поверх моей головы.

Я медленно оглянулась, ожидая всего, чего угодно – от очередной каверзы Эйбела-Рэйбела до появления королевских гвардейцев. Но это был всего лишь хозяин дома – господин де Синд стоял на пороге кухни и... держал в руке кожаный кошелёк.

– Добрый вечер, – пробормотала Джоджо и вскочила, я тоже встала, потому что прислуге не полагается сидеть, когда входит хозяин.

– Ужинайте, – разрешил господин де Синд необыкновенно добродушно. – Я услышал часть вашего разговора, сударыни, и принёс вот это... – он положил кошелёк на стол, и в нём глухо звякнули монеты. – Здесь пятьдесят солидов. Завтра вы пойдёте на рынок, Элизабет, и купите всё, что посчитаете нужным. Всё, что вам понадобится в кухне.

Пятьдесят солидов?! Боюсь, в тот момент я перестала что-либо понимать. Да это – целое состояние. Сегодня он уже предложил мне месячную плату, чтобы я ушла из его дома, а сейчас спокойно передаёт пятьдесят золотых, чтобы я купила еду. На пятьдесят золотых можно нанять экипаж и отправиться в другое королевство, останавливаясь в самых шикарных гостевых домах.

– Очень щедро с вашей стороны... – начала я.

– А как же госпожа Бонита? – выпалила Джоджо.

– Я решил поручить эту миссию нашей новой служанке, – де Синд смотрел на меня, и меня всё больше терзали подозрения, что подобная щедрость неспроста.

– Такая большая сумма... – опять начала я.

– Купите всё лучшее, – перебил меня на этот раз сам хозяин. – Завтра прямо с утра отправляйтесь на рынок, – и он пододвинул кошелёк ко мне поближе.

– Кто пойдёт со мной? – спросила я, не спеша брать деньги.

– Зачем вам сопровождающие? – удивился де Синд.

И снова что-то тревожное зашевелилось в моей душе. Мне показалось, или он удивился как-то... фальшиво? Может, хочет, чтобы я взяла деньги, а потом меня обвинят в краже?.. Чтобы точно избавиться?.. Но если меня поймают, я ведь наверняка расскажу о контрабанде... Или он думает, что воровке никто не поверит?

– Мне написать расписку, что я взяла у вас такую сумму? – спросила я, не зная, что предпринять и как поступить.

– Нет. Зачем? – он пожал плечами. – Если боитесь, давайте я напишу вам расписку, что передал вам эти деньги и не имею никаких претензий.

Это было ещё удивительнее.

– Нет. Зачем? – ухитрилась выдать я. – Если вам угодно, господин де Синд, я сделаю покупки и предоставлю вам полный отчет по тратам. Но лучше бы со мной пошёл кто-то, кто знает город... Джоджо или Ванесса, например...

– Завтра они заняты, – спокойно ответил он. – А вы как раз свободны. Доброго вечера и ночи, сударыни.

Он вышел, а мы с Джоджо рухнули на табуретки, уставившись на кошелёк.

Джоджо не выдержала первой и распустила вязки.

– Настоящие золотые! – прошептала она. – Силы небесные! С чего бы это хозяина хватил припадок доброты?

Я бы тоже не отказалась это узнать. А Джоджо болтала, не умолкая:

– Но это к лучшему! Наверное, ему очень понравилась ваша готовка, раз он решил расщедриться! И это правильно. Я давно говорила, что нельзя держать детей на постной воде.

В подтверждение своим словам, она несколько раз энергично ударила ладонью о ладонь.

– В первую очередь надо купить рыбу, – Джоджо принялась загибать пальцы, уже фантазируя о завтрашних покупках, – и белой муки – раз мы решили печь пирожки. И ещё нужны мёд и патока...

Я оставила Джоджо радоваться завтрашним покупкам и ушла к себе, сославшись на усталость. Деньги я хотела положить в кухню, но служанка почти насильно впихнула мне кошелёк.

– Вы с ума сошли?! – изумилась она. – Оставлять их без присмотра? Забирайте и положите под подушку, чтобы не потерять.

Разумеется, прятать кошелек в постели я не стала – положила на подоконник, на видное место. Мне не хотелось даже думать, что де Синд затеял со мной какую-то подлую игру. Ведь мне сразу показалось, что подлости – не в его характере...

– Кис-кис, – со вздохом позвала я кошку, которой принесла рыбий разваренный хвостик. Если рыжая привереда не ела сырую рыбу, может, не откажется от варёной?

Ответом мне была тишина.

– Кис-кис-кис! – снова позвала я и заглянула под кровать и за сундук.

Пусто. Кошка каким-то таинственным образом исчезла из закрытой комнаты.

Я села на постель, раздумывая о странных происшествиях, что случились сегодня в этом доме, но в голове звучал только вкрадчивый, рокочуший голос: «Так на кого же я похож, Элизабет?».

Глава 6

Утром, когда после завтрака я отправилась на рынок, на втором этаже разыгралась настоящая драма. Стенания и причитания госпожи Бониты были слышны даже в прихожей, где я надевала пальто, застегивая его на все пуговицы, потому что начиналась самая настоящая метель – ветер усиливался, снежинки испуганно метались, бросались на окна и на каждого, кто осмеливался выходить в такую погоду из дома.

Я видела, как отправились в контору Эйбел и Нейтон – оба приподняв воротники своих курток, надвигая шапки на глаза. Теперь выйти из дома предстояло мне, но я медлила, слушая, как госпожа Бонита умоляет брата не доверять мне деньги.

– Ты её совсем не знаешь, Тодо, – увещевала она. – Да, настоятельница просит за неё, но и монахини могут ошибаться! В крайнем случае, дай ей с десятков серебром...

– Кстати, ты нашла письмо? – раздался рокочущий голос господина Льва, и я вздрогнула.

Конечно же, сестра рассказала ему про письмо, пыталась его найти, а письмо-то исчезло...

– Завалилось куда-то, – плаксиво протянула госпожа Бонита. – Я была уверена, что оставила его на столе...

– Вот иди и поищи, – посоветовал ей де Синд. – А со своими деньгами я как-нибудь разберусь сам.

На лестнице раздалась шаги, и я запоздало заметалась, бросившись надевать башмаки, уже не успевая убежать.

Де Синд заметил меня и подошёл. Я выпрямилась и сделала книксен, успев натянуть башмак только на одну ногу.

Хозяин дома поглядел на мои тонкие чулки и сказал:

– Купите себе сапоги и вязаные носки, Элизабет. Да и шапка не помешает. В Монтрозе зимы суровые, а тут ещё влажность от моря и постоянный ветер. Берегите себя.

– Вы дали мне деньги на еду, – напомнила я, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом.

И зачем он так меня рассматривает? Просто впился глазами. Будто навсегда прощается с любовью всей жизни. Боже, что за мысли? Миэль, приди в себя... Приди в себя...

– Я сказал вам купить всё необходимое, – напомнил де Синд и улыбнулся.

Но улыбка получилась невесёлой, как будто он сожалел о чём-то. О деньгах, которыми решил рискнуть? Сделал глупость, а теперь из упрямства не хочет этого признавать?

– Не волнуйтесь, – сказала я, – и успокойте сестру. Я не собираюсь обворовывать вашу семью. Но я считаю, что детям надо хорошо питаться. И пост может быть для них смягчен, хотя бы для младших. У детей слишком мало грехов, чтобы подвергать их такому жёсткому очищению. Если переживаете за деньги – предложите госпоже Боните пойти со мной

– Вот ещё! – послышалось со второго этажа. – Я полагаю ниже своего достоинства ходить по злочным местам!

Дама беззастенчиво подсушивала нас, но я промолчала, предоставив де Синду самому с ней разбираться.

– Не волнуйсь. Совсем, – он словно не слышал возмущенного брюзжания госпожи Бониты и смотрел на меня, смотрел...

– Тогда я пойду? – спросила я, испытывая неловкость и от его взгляда, и от его слов.

– Всего доброго, – произнёс он и после паузы добавил: – Элизабет. Всего вам доброго.

Я вышла из дома, испытывая двойное чувство. Господин Тодеу де Синд, конечно, очень привлекательный мужчина, и просто странно, как это он вдовел семь лет, и ни одна красotka его не окрутила, пусть и с детьми... Но с другой стороны – он какой-то тронутый. Роскошь

развращает, простая еда, простая одежда... А потом – возьми, девица, которую я вижу впервые в жизни, кошелек с золотыми.

Может, господин настолько наивен и доверчив, что все – в том числе и его сестра – беззастенчиво тянут из него деньги? А может, это была плата за моё молчание? Как настоящей шантажистке...

Размышляя об этом, я первым делом направилась в трактир мамаша Пуляр.

Пятьдесят золотых оттягивали мой карман и жгли ладонь, когда я поглаживала мягкую кожу кошелька. На эти деньги я могла бы... могла бы уехать сегодня же... И спрятаться дальше, чем мой родной город. Я могла бы купить новые документы, одеться под стать принцессе крови. Возможно, вложить определённую сумму в какое-нибудь дело – даже в то же мореходство, чтобы получать проценты и жить безбедно до самой старости...

Но я тут же укорила себя за подобные фантазии. Нет, Миэль, ты не можешь украсть у сирот. За такие преступления сами небеса требуют отмщения. Да даже если бы и не требовали, и если бы ты точно знала, что подобная кража сойдет тебе с рук – разве у тебя хватило совести присвоить эти золотые?..

Может, де Синд нарочно решил проверить мою честность?

Вот и докажем ему, что мне можно доверять.

Трактирщица узнала меня и встретила даже с любезностью:

– Вы устроились? – спросила она. – А ваши вещи так и не привезли.

– Всё в порядке, – заверила я её. – Я встретила экипаж по дороге, Так что ваша помощь не понадобилась.

– Хотите, чтобы я вернула деньги? – мгновенно насторожилась она.

– Нет, что вы. Это – благодарность за помощь, – сказала я, чем немедленно расположила её к себе ещё больше. – Мне бы хотелось купить у вас три пинты светлого пива, сударыня. Самого лучшего пива, чтобы без кислинки.

– Три пинты для такой нежной барышни? – она вскинула брови, но сразу же взяла кувшин.

– Это для хозяйственных нужд, – с улыбкой пояснила я.

– А, конечно, – мамаша Пуляр кивнула, но я догадалась, что она ничего не поняла.

Кувшин с пивом был завязан на горловине чистой тряпицей, установлен на низкие саночки и отправлен с мальчишкой-посыльным в дом де Синдов, а я, выспросила у трактирщицы, где лучше покупать рыбу и прочее, и узнала, где в городе находится почтовое отделение.

Только отправив письмо в монастырь, я вздохнула спокойно. Теперь можно было не опасаться, что меня рассекретят.

Следующие два часа я была занята тем, что выбирала товар, торговалась, снова выбирала и снова торговалась. За несколько грошенов я наняла извозчика и нагрузила его сани кетой, креветками, постным сахаром с апельсинами, свёклой, изюмом и миндальными орехами – всеми теми полезностями и вкусами, что можно и нужно было есть в пост. В сани был отправлен копчёный угорь – вкуснейшая добавка для зимних похлёбок и густой овсяной каши. А в соседях у него оказался огромный морской окунь, с замёрзшими, словно стеклянными, плавниками. Купила я и приправ, чтобы еда не казалась пресной, и несколько стручков ванили, чтобы ароматизировать десерты из орехового молока.

Некоторые торговцы смотрели на меня с подозрением, когда я расплачивалась золотом, вытаскивая кошелек из-за пазухи поношенного пальто на рыбьем меху. Некоторые спрашивали – кто я такая, потому что никогда раньше не видели.

Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, я небрежно заметила, что действую от имени господина де Синда, и покупки отправятся в его дом. Это успокаивало торговцев вернее, чем если бы я принесла расписку от Господа Бога.

– С господином де Синдом приятно иметь дело, – заявил торговец пряностями, отсыпая в металлическую коробочку зерна кориандра. – Передавайте ему привет и поклон.

Подобные слова я слышала не раз и не два, прогуливаясь между прилавками. Похоже, господин Льва и правда считали оплотом праведности и добродетели. Тем более удивительно, что такое сокровище оказалось без хозяйки. Жена мигом научила бы его любить шёлковое постельное бельё и бараньи котлетки по воскресениям. Вопрос только, научилась бы она любить детей этого семейства?.. Скорее всего, причина именно в них, в детях...

Прикупив провианта на пару месяцев вперёд, я потратила двадцать пять золотых, и осталось только удивляться, что мешало обитателям дома на набережной и раньше покупать такие же продукты, чтобы разнообразить капустно-репное меню.

Сани подъехали к дому, я побежала звать Джоджо, чтобы побыстрее перенести покупки в дом и отпустить извозчика, и тут же встретила с господином де Синдом, который как раз поднимался по лестнице. Он схватился за перила, глядя вниз, будто глазам своим не верил.

– Вы что тут делаете? – спросил он, и в его голосе не было слышно грозного львиного рыканья, а только лишь удивление.

Удивление, изумление и...

Ой, а что он – думал, что я исчезну, прикарманив его деньги?

– Привезла покупки, – ответила я, взбегая по ступеням и протягивая ему кошелёк. – Потратила ровно половину, ваша милость. Если разрешите взять бумагу и чернила, напишу вам подробный отчет по расходам.

Он оторвался от перил, взял кошелёк и продолжал стоять, глядя на меня, как на чудище лесное.

– Прошу прощения, – я попятилась, спускаясь по лестнице задом наперёд, – пойду разгружать сани. Одна Джоджо не справится.

– Сани? – переспросил де Синд.

– В руках я бы всё не унесла,

– В руках... – повторил он, как зачарованный, а потом потёр переносицу и рыкнул уже по-львиному: – Вы мне что голову морочите?!

– Я? И не думала... – теперь мне в пору было удивляться, изумляться и...

Но Джоджо позвала на помощь, держа мешок с мукой, и я сбежала по ступеням, а господин де Синд, наоборот – поднялся на второй этаж и скрылся в своем кабинете.

Глава 7

Закрывшись в кабинете, Тодеу первым делом отыскал среди бумаг объявление о награде за поимку Миэль Слейтер и порвал его в клочья.

Какого чёрта она вернулась?!

Ведь было сделано всё, чтобы сиятельная графиня взяла деньги и улетела в далёкие дали, спасая свою прекрасную златокудрую головку.

Зачем она вернулась?!

Тодеу решительно не понимал её мотивов. Неужели ей – первой красавице двора, королевской фаворитке, хотелось прислуживать в доме какого-то торговца, выслушивая брюзжание старой девы и вытирая носы детям, которые даже не прилагают усилий, чтобы хоть выглядеть воспитанными? Нет, исключено. Такого никто не захочет. На такое пойдут только по принуждению, от отчаяния, когда нет другого выхода. Но ведь у госпожи Слейтер выход был!..

Тогда – какого чёрта?..

Он одёрнул себя за упоминание нечисти даже в мыслях. Так нельзя. Надо успокоиться.

Лучше всего помог бы стаканчик бренди, но в пост выпивка запрещена.

Тодеу сел в кресло и со вздохом взлохматил волосы.

И что прикажете сейчас делать?

Он не мог не признать, что госпожа графиня нашла прекрасное укрытие. Кто догадается, что вместо того, чтобы отбыть с любовником за границу, она прячется под маской служанки, присланной монастырем?

Надо будет написать письмо настоятельнице, чтобы не присылала никого. Не хватало ещё, чтобы Бонита пронюхала, что в их доме живёт женщина, за голову которой дают десять тысяч золотых.

Десять тысяч – это пять кораблей с командой и товаром. Это огромные, просто огромные деньги. Но ведь... она этого стоит...

Против воли Тодеу вспомнил облик новой служанки – белое лицо с нежным румянцем, пунцовые губы, а глаза... Он вздохнул, вспоминая эти глаза. Пусть в королевском объявлении графиня Слейтер не походила сама на себя, но там была приписка про зелёные глаза. Можно спрятать волосы под чепец, но глаза не спрячешь. Если только всегда держать их долу, а она... она никогда не опускала взгляд. Всегда смотрела прямо. Смело. Наверное, поэтому ей повезло ускользнуть от королевских ищек, переплыть море и добраться до его дома. Удача любит смелых. А Миэль Слейтер – очень смелая.

Когда он увидел её в первый раз, то был поражён. Да что там – потрясён. Стоял столбом, раскрыв рот, и провожал взглядом королевский маскарадный кортеж, где король изображал восточного принца, который поймал в клетку Птицу-Счастье. Клетку несли на носилках шесть слуг, а рядом гордо гарцевал на гнедом коне король, будто похваляясь добычей. Его величество вызывал всеобщее восхищение костюмом, усыпанным бриллиантами, а клетка была золотой – с инкрустацией драгоценными камнями. Вот только находилась в ней не птица, а... девушка. Самая прекрасная девушка на свете.

Наряженная в странный плащ из птичьих перьев, она стояла в клетке, сделанной в полный человеческий рост, держась за прутья, и металл не мог заглушить сияние её волос, а изумруды померкли по сравнению с зелёной глубиной глаз.

Когда прекрасная пленница чуть переменяла позу, полы плаща из перьев распахнулись, и стало видно, что под ним красавица прикрыта только однослойным газовым платьем, не скрывавшим ни одной линии совершенного тела. Надо быть смелой, чтобы надеть такой откровенный наряд. Тодеу не знал ни одной женщины, которая осмелилась бы примерить подобное.

Птица-Счастье нетерпеливым движением отбросила с груди на спину распущенные золотистые волосы, поправила шапочку с белоснежным страусовым пером и оглянулась по сторонам, будто высматривала кого-то. Того, кто спасёт из плена...

И в этот момент Тодеу готов был броситься прямо под копыта королевских лошадей, голыми руками разломать эту проклятую клетку, чтобы выпустить пленницу на свободу, прикрыть её собственным плащом, чтобы скрыть ото всех, спрятать, стать единственным обладателем этого сокровища...

– Кто это?.. – спросил он сопровождавшего его слугу министра финансов, даже не понимая, что спрашивает.

Зато заметил и прекрасно понял взгляды, которые придворные бросали вовсе не на короля, а на его добычу. И это возмутило Тодеу до глубины души, взбесило – если быть честным.

Она была невинной и соблазнительной, пленницей и повелительницей одновременно, была заперта в клетку, но поработила всех своей сияющей красотой. Свела с ума одним взглядом, свела с ума всех.

Все мужчины хотели её, и Тодеу не стал исключением. И это бесило ещё больше, потому что он считал себя достаточно сильным, чтобы противостоять чарам соблазнительной женщины. Хватило ему Хизер с её красотой бабочки и ядом пчелы. Хватило Карины, которая притворялась скромницей, а на деле совсем ею не оказалась. Он был убежден, что больше никакая прелестница не увлечет его ресницами своими, ведь он знал греховную природу женщин, видел их низменные слабости, разгадал все коварные уловки... Но почему эта так поразила его? Взглянул в плен одним лишь взглядом, одним небрежным движением руки, поправляя золотистый локон, прильнувший к нежной щеке...

– Его величество отправляется в летний дворец... – чопорно начал объяснять слуга, но Тодеу перебил его.

– Я спрашивал про девушку. Ту, которая в клетке.

– Это – невеста графа Слейтера, – слуга немедленно съехал с чопорного тона. – Хороша, верно? Где уж граф разыскал эту красотку – никто не знает. Говорят, она какая-то там заморская принцесса, но это не точно. Но совершенно точно, что король уже положил на неё глаз. Я поставил золотой, что до конца месяца госпожа Миэль станет фавориткой его величества. Королева в ярости, как мне рассказывала её фрейлина.

Королевский кортеж проехал дальше, а Тодеу в сопровождении слуги, всё ещё с упоением рассказывавшем придворные сплетни о невесте графа, направился на аудиенцию к министру финансов. Надо было собраться с мыслями, чтобы убедить министра о необходимости освобождения от налогов, в обмен на пожертвования в пользу города, но мысли были совсем не о деньгах...

Прекрасная и такая же порочная графиня полностью завладела мыслями, и выгнать её оттуда Тодеу не смог ни через день, ни через неделю, ни даже через год.

Внешне всё было, как прежде – он был полностью поглощен работой, обеспечивая свою многочисленную семью, и днём можно было хоть немного отвлечься, зато ночью... Сколько раз за этот год госпожа Миэль приходила к нему во сне – в полупрозрачном газовом платье, с распущенными по плечам волосами, текущими золотой рекой... Что он вытворял с ней во сне – не было слов пересказать. Тодеу просыпался в испарине, страдая от самого лютого вожделения, которое только можно представить. И от этой напасти не помогали ни пост, ни молитва. Только работа, только работа до изнеможения, чтобы упасть в постель и забыться без сновидений.

Но прекрасная Миэль преследовала его с упорством тени.

Конечно же, невеста графа была ни при чем. Тодеу злился на самого себя и ненавидел эту слабость. Ему, зрелому мужчине, не полагалось терять разум из-за женских прелестей. Но что поделать, если разум потерялся, не спросив разрешения?

Тодеу вспомнил, как узнал, что свадьба графа Слейтера назначена на начало ноября. Тогда его сердце пропустило удар, а потом провалилось куда-то в тартарары, если не глубже. Он тут же выругал себя – судьба прекрасной госпожи Миэль не имеет к нему никакого отношения.

Наряду с новостями о свадьбе пришли ещё и сплетни, что король обзавёлся новой любовницей и спешит выдать её замуж, чтобы бегать к жене своего вассала под прикрытием. Ведь так легче оправдаться перед королевой: мол, всё это неправда, граф и его супруга нежно друг друга любят, не слушайте, что болтают злые языки.

Но даже убеждая себя, что госпожа Миэль живёт жизнью, которая никак не относится к его жизни, Тодеу продолжал ловить каждую сплетню, каждую новость о той, с которой разделяли их не только море, но и пропасть – бездонная, бескрайняя созданная самой судьбой.

Очередным потрясением оказались вести, которое привёз ему Дикон – капитан со «Звезды морей». Графиня Слейтер в первую брачную ночь прикончила своего новоиспеченного мужа, покушалась на убийство короля и теперь находится в розыске, как государственная преступница.

– Кто бы мог подумать, – хмыкал Дикон в усы, разглядывая портрет графини на объявлении о поимке, – и у аристократов иногда кровь может разыграть. Какая кровожадная дамочка, не находишь? Наверняка уколошила своего благоверного, чтобы сбежать с любовником.

Тодеу ничего не сказал по поводу графини, но забрал объявление.

Капитан понял его по-своему:

– Вдруг попадётся? Да, хозяин? Хорошо бы, если бы попалась. Десять тысяч – это вам не футы-нуты! Но вряд ли эта дамочка приедет в Монтроз. Такие пташки летят в тёплые края, можете мне поверить.

Он поверил. Он был убеждён, что графиня Слейтер сбежала куда-нибудь на тёплые острова, чтобы там, под пальмами, на чистом песочке, нежить свою красоту в объятиях пылкого плантатора.

И всё же – разочарование, горечь, обида... Словно счастье улетело из рук. Выпорхнуло из ладони, а он не удержал.

Тодеу не знал и знать не хотел, что там произошло между графиней Слейтер, её мужем и королём. Пусть аристократы играют в свои игры, а у него нет времени на глупости... Нет времени на мысли о Миэль... Даже имя её звучало сладкой любовной пыткой. Даже имя...

Он зашёл домой на рассвете, стараясь, чтобы никто его не заметил – заскочил на пару минут, чтобы оставить деньги, вырученные от продажи двух мешков контрабандного перца, и вдруг...

Кара небесная. Насмешка судьбы. Что там ещё добавить такое же пафосное?

Думать о графине Слейтер в газовом платье или без него, а обнаружить её в собственном доме, в платье служанки?.. Да полноте. Бывают ли такие чудеса на свете?

Но чудеса если и случаются, то преддверие нового года – самое для этого время. И глаза не обманули Тодеу, перед ним была графиня Слейтер – живая, реальная, каким-то образом одурачившая Бониту, обманом проникшая в его дом.

Враг проник в крепость без единого выстрела, и Тодеу не придумал ничего другого, как спастись бегством, чтобы прийти в себя и продышаться на холодке.

Холодок тут был очень кстати, и очень хорошо, что старожилы обещали Монтрозу суровую зиму. Может, хоть зима остудит эту ненужную страсть. Хотя... как такое возможно, если страсть не остыла за год, пока графиня Слейтер смущала его только в мечтах, а сейчас эта соблазнительница твёрдо решила поселиться в его доме и смущать уже не только в мечтах, но и наяву?

Бонита говорила о письме, и Тодеу сильно подозревал, что рекомендательное письмо, которое неожиданно потерялось – потерялось вовсе не неожиданно, а по умыслу. И можно было даже предположить, чей это умысел. Только непонятно, почему госпожа Миэль верну-

лась... И где это графиня научилась варить рыбную похлёбку и делать сладости из бедняцкой пищи – гороха...

– Тодо! – услышал он пронзительный голос сестры. – Где ты? Пришел господин Фонс! А этому что понадобилось?

Пришлось оставить страдания по графине Слейтер и спуститься. В прихожей его подждал начальник полиции собственной персоной. Фонс вытянул шею и глядел в сторону кухни, приоткрыв рот, и Тодеу с недовольством заметил, как в дверном проёме мелькнули бумазейная полосатая кофта и белый чепец – это новая служанка сновала в кухне, разбирая покупки, и щебетала, как канареечная птичка.

– Зачем пришёл, Финеас? – хмуро спросил Тодеу, встав между начальником полиции и кухней, чтобы заслонить ему обзор.

– Это твоя служанка? – спросил он, не ответив на приветствие, и сделал шаг в сторону, чтобы получше видеть.

– Моя служанка. А что? – Тодеу тоже сделал шаг в сторону, снова встав перед ним, а сердце предательски ёкнуло.

С чего бы Финеас заинтересовался госпожой графиней? Неужели... кто-то ещё узнал её?..

Фонс очнулся и уставился на него, будто в первый раз увидел.

– А, Тодеу, – произнес он даже с удивлением.

– Зачем пришел?

– Служанка... – Фонс указал в сторону кухни.

– вспомнишь, зачем пришел – тогда и поговорим, – Тодеу развернул Фонса к двери и слегка подтолкнул, так что начальник полиции чуть не споткнулся на выходе.

– Да я всё помню! – возмутился Фонс. – Что за манеры, Тодеу? Мы же с тобой приятели, как-никак!

– Никак, – подсказал Тодеу. – До встречи, Финеас.

– Подожди ты, – он сердито поправил шапку с кокардой. – Это твоя служанка расплачивалась сегодня на рынке золотом?

– С моего разрешения, – повысил голос Тодеу.

– А, ясно, – Финеас снова вытянул шею. – Просто проверить зашел. Вдруг обокрала...

– Иди отсюда, – начал терять терпение Тодеу.

– Да что ты меня всё гонишь? – обиделся начальник полиции. – Слушай, а она – ничего такая бабёнка. И крутая – как раз по мне. Я к ней подошёл, спрашиваю: чья вы, барышня, откуда? А она мне: на вашем месте я бы застегнула куртку и причесалась. Уела, да? – он приснул, продолжая жадно заглядывать в кухню.

– Она из монастыря, – Тодеу в очередной раз развернул его в сторону выхода. – Весной готовится к постригу.

– Да что ты?! – жалобно воскликнул Финеас и с надеждой спросил: – Шутишь?

– Чистая правда, – подтвердил Тодеу. – Так что забудь. Понял? Забудь.

Ему всё-таки удалось выставить Фонса за порог. Поправляя шапку, начальник полиции вдруг просиял улыбкой и погрозил пальцем:

– А, я тебя разгадал! Себе приберег? Если не получится – скажи, я снова попытаюсь. А вообще, в таких делах друзей нет...

Тодеу захлопнул дверь перед его носом и закрыл засов. Перепугался, как мальчик. Думал, что тупица Финеас пришел за Миэль... Но кто узнает её в портовом городишке? Так что всё верно – прятаться надо именно здесь, в его доме. Самое разумное решение.

– Зачем приходил господин Фонс? – спросила Бонита, когда Тодеу поднялся на второй этаж. – Наверняка, это из-за этой девчонки – Лилибет! Что она натворила?

– Фонс приходил разузнать, – сказал Тодеу отдельно, – не предлагал ли мне кто-либо на продажу контрабандные пряности.

Бонита ахнула и схватилась за сердце.

– Не волнуйся, он ни о чем не догадывается, – усмехнулся Тодеу. – Но тебе надо быть осторожней, когда заказываешь по сто ярдов кружев.

– Это для Ванессы! – воскликнула сестра, покраснев как рак. – Для бальных платьев на новогодние праздники!

Тодеу стало смешно. Бонита ничуть не изменилась с детства – делает что-то тайком, а потом отрицает это до последнего, даже когда прижмёшь её фактами.

– Ванесса не любит валансьенское кружево, – сказал он. – Она предпочитает ирландское. Будь добра, закажи кружева и для Ванессы. Если позаботилась о себе – позаботься и о ней.

– Она ничего не понимает, – упорствовала Бонита, – валансьенское красивее, ей пойдёт больше...

Он не стал спорить и ушел в кабинет, закрыв дверь перед носом сестры точно так же, как закрыл дверь перед Финеасом. Некоторое время Бонита отбивала кулаки, требуя, чтобы он её впустил, но потом утихла. Было слышно, как она ворчала в коридоре, а потом убралась к себе.

Открыв чернильницу и вооружившись пером, Тодеу написал письмо настоятельнице монастыря Святой Клятвы, надписал адрес, запечатал, приложив к растопленному воску перстень-печатку, с которым никогда не расставался, а потом надел куртку и шапку, и отправился на городскую почту.

Глава 8

– Госпожа Бонита вас требует, – произнесла Джоджо, возникая на пороге кухни с самым несчастным видом.

– Сейчас приду, – я поставила на стол поднос, где стоял обед для Логана, и одёрнула кофту. – Отнесёте поднос на чердак? Малышу давно пора обедать.

– Конечно, – Джоджо кивнула и стала ещё несчастнее. – Госпожа Бонита недовольна.

– И не сомневалась, – утешила я служанку и поспешила наверх, в столовую.

Всё члены семейства де Синдов за исключением хозяина находилось за столом, не приронувшись к еде. Госпожа Бонита сидела очень прямо, с видом карающего ангела, остальные – кто мрачно, кто тоскливо – глядели на жареную рыбу, не осмеливаясь к ней прикоснуться.

– Вы звали меня, госпожа? – спросила я, останавливаясь у порога и опуская глаза.

Служанки ведь всегда смотрят в пол. Вот и я буду смотреть в пол.

– Я молчала, старалась быть терпеливой, – заговорила госпожа Бонита, и голос её дрожал от возмущения, – но всему есть предел. Поясните своё постыдное поведение, Лилибет...

– Постыдное поведение? – переспросила я удивлённо и посмотрела на неё, позабыв, что собралась глядеть только в пол.

– Не перебивайте! – воскликнула она.

В это время в столовую вошёл господин Тодеу, и я немедленно поняла, что спектакль разыгрывался ради него. Госпожа Бонита прикинулась, что не заметила брата, и продолжала:

– Я не рассказала брату, что сегодня вы заходили в эту портовую забегаловку – к Пуляр, и купили там пиво!..

Хозяин дома остановился за креслом сестры, не торопясь садиться за стол, и скрестил руки на груди, хмуро слушая.

– Я молчала, когда вы купили к столу самую дорогую рыбу – форель! Но как могу промолчать, если вы подали к столу торт! Вы совсем потеряли совесть, милочка? Или будете убеждать, что испекли слоёный торт без сливочного масла?

– Госпожа Бонита, уверяю, что всё на этом столе – постное, – произнесла я примиряющее, стараясь смотреть на хозяйку дома, хотя очень хотелось перевести взгляд на господина Тодеу.

Конечно же, замечание, что меня видели покупающей пиво в трактире, было оскорбительным. Но ещё более оскорбительным было то, что кто-то уже сплетничает за моей спиной. А мне не хотелось... совсем не хотелось... ну, конечно же, не хотелось, чтобы Тодеу де Синд подумал, что я пью пиво в забегаловке...

Так, Миэль, успокойся.

Я на мгновение прикрыла глаза и заговорила – ровно, чинно, изображая идеальную прислугу:

– Это не форель, госпожа, это – кета, она самая дешёвая...

– Вы считаете, что я не отличу мяса форели от кеты?! – чуть не взвизгнула она. – Да кета жесткая, как подошва! – тут она оглянулась и словно впервые заметила брата. – Тодо! – воззвала она о помощи, будто я уже обворовала этот дом и подожгла заодно. – Ты знаешь, что она...

– Жёсткая, если просто поджарить, – мягко прервала я госпожу Бониту. – Но сначала я вымочила её в рассоле, и поэтому после жарки она осталась сочной. По вкусу, действительно, напоминает форель. Если вам угодно, в следующий раз я могу приготовить форель, чтобы вы сравнили.

Из всего семейства эти подробности заинтересовали только Ванессу и Эйбела – только они подняли головы и посмотрели на меня. И, судя по ухмылке старшего сына, я сильно сомневалась, что ему были интересны нюансы приготовления кеты. Скорее всего, Эйбела просто

забавляла злость его тетушки. Он даже подмигнул мне ободряюще, но я сделала вид, что ничего не заметила. Остальные продолжали изучать содержимое тарелок, не прикасаясь к ним. Черити облизывала ложку и время от времени шмыгала носом.

– Что касается слоёного торта, госпожа, – продолжала я, – он приготовлен, действительно, без яиц и сливочного масла. Я сделала коржи на пиве, которое купила у мамы Пуляр. У нее отличное пиво – не горькое, не кислое...

– Вы подали детям что-то, приготовленное на пиве?! – сестра хозяйина так и взвилась. – Тодо! Ты слышишь?! Она хочет спить твоих детей!

Эйбел и Нейтон встrepенулись, с удивлением разглядывая многослойный торт под шапкой белоснежного крема, Де Синд хотел что-то сказать, но я опередила его.

– При выпекании пиво полностью утрачивает свои хмельные свойства, – сказала я быстро, слово в слово повторяя то, что когда-то говорила мне мать, – поэтому торт из него безвреден даже для младенцев.

– Да неужели!.. – окончательно рассвирепела госпожа Бонита.

– Совершенно точно, – тут я не выдержала и улыбнулась. Совсем не весело, а насмешливо, но не смогла сдержаться, как ни пыталась. – Осмелюсь спросить – почему тогда вы без волнения едите и подаете детям хлеб, который готовится на пивных дрожжах?

Госпожа Бонита застыла, открыв рот. Похоже, последний аргумент лишил её дара речи.

– Ну а крем я приготовила из муки, заваренной ореховым молоком, – закончила я с удовольствием. – Так что не волнуйтесь, госпожа, – я сделала полупоклон в сторону сестры хозяйина, – господин... – полупоклон в сторону де Синда, который как раз сел за стол, – я знаю своё дело и подаю только блюда, которые разрешены нашей матерью-церковью.

Вот тут-то наши взгляды – мои и господина Тодеу – встретились. И мне совсем не понравилось, как он смотрел на меня. Как-то озадаченно, удивленно, с подозрением и... сомнением. Он сомневается в моей честности? Думает, я приврала, а на самом деле приготовила слоёный торт на сливочном масле?

– Пока я готовила, – сказала я, обращаясь уже только к хозяйину дома, – со мной была сударыня Джоджин. Она может подтвердить, что использовались только постные продукты.

Де Синд мотнул головой, словно прогоняя наваждение, и шумно вздохнул, откинувшись на спинку стула, а потом опять сел ровно.

– Первую служанку зовут Джоджо, – поправила меня госпожа Бонита, решившая, видимо, напомнить, что и после небольшого конфуза с напрасными обвинениями она осталась хозяйкой и дома, и положения. – Вам, Лилибет, пора бы...

– Всё, довольно, – де Синд заговорил негромко, но даже негромкий львиный рык не мог не перекрыть визгливого голоса госпожи Бониты.

– Но, Тодо... – попробовала возразить она.

– Я сказал – довольно! – львиное рыканье теперь прозвучало гораздо, гораздо громче, и госпожа хозяйка дома благоразумно замолчала, поджав губы. – Больше никаких споров о еде, – велел господин Тодеу, обводя своё семейство взглядом. – Сударыня Элизабет, – он словно нарочно выделил тоном моё вымышленное имя, проигнорировав обидное прозвище, которое дала мне его сестра, – будет сама решать, чем вас кормить. И никто больше не станет сомневаться в её готовке. Понятно?

Разумеется, ему никто не ответил, а я поклонилась, опустив глаза, хотя мне очень хотелось хотя бы взглядом поблагодарить его за поддержку. За настоящую поддержку. Господин Лев защитил меня от нападков сестры при всех, да ещё и предоставил мне определённые полномочия – пусть даже и на кухне. Теперь я не буду зависеть ни от кого, а значит, голодным в этом доме никто больше не останется (и мы с Джоджо в том числе). И это вам не игривые подмигивания Эйбела тайком, это... это...

– Давайте уже есть, – сказал де Синд, и его домочадцы радостно встрепенулись, потянувшись к ложкам.

Я поднесла руку к лицу, чтобы скрыть улыбку. Как же они ждали этого приказа!.. Особенно младшие дети, которым не понятны были споры взрослых. Еда на столе – надо есть, а не смотреть на неё! Особенно когда на обед были поданы закусочные бутерброды с паштетом из копчёных мелких рыбок (которых привозили мешками и продавали на развес по паре грошенов за фунт), вкуснейший рыбный суп из кеты и пангасиуса (использованы только головы, хвосты и кости), в качестве основного блюда – кета, жаренная порционно, с хрустящей кожей и нежно-кремовым мясом, тающим во рту, в обрамлении сложного гарнира из капусты (куда же без неё!), тушеной с луком и морковью, постных клецок и пюре из зелёного горошка, засушенного с начала лета.

Но и тут семейству де Синдов пришлось проявить терпение.

– Молитва! – остановила всех госпожа Бонита, и все послушно опустили ложки.

Черити вздохнула так тяжело, что Ванесса укоризненно на нее посмотрела.

– Можете идти, Элизабет, – разрешил господин Тодеу. – Благодарю за обед. Даже не пробуя понятно, что всё это очень вкусно.

– Всегда к вашим услугам, господин де Синд, – ответила я.

Ничего не значащие слова произвели на него странное впечатление. Глаза его вдруг вспыхнули, и сам он сделал резкое движение, будто хотел встать из-за стола.

– Ванесса, прочти молитву, – замогильным голосом произнесла госпожа Бонита, и де Синд будто опомнился – сложил ладони и опустил лохматую голову, слушая, как старшая дочь читает благодарственную молитву.

Когда я уходила, Ванесса уже дочитала молитву до конца. Правда, она совершенно незаметно сократила её на пару строк, но на это никто не обратил внимания.

– Вкусно! – сказал Эйбел и хохотнул.

Вкусно. Ещё бы. Я спускалась по ступеням и улыбалась. Это была победа. И даже не маленькая. Потому что питаться объедками до весны – нет, благодарю вас, господин де Синд. Я вспомнила, как вспыхнули его глаза, и остановилась посередине лестницы.

Да что же со мной такое?..

Почему этот человек так действует на меня? Я знаю его всего лишь несколько дней, и того, что мне известно – хватит, чтобы относиться к нему если не с презрением, то точно со строгой холодностью... Но почему тогда...

Сейчас я готова была вернуться к нему немедленно. Чтобы посмотреть ему в глаза ещё раз, потому что мне казалось, что я что-то недопоняла, не разглядела что-то важное, недослышала...

С моего места было прекрасно видно, что за окном мягко падает снег – крупными хлопьями, как клочками белоснежной ваты.

А ведь на чердаке окно очень высоко, и совсем не видно этого снега. А он так красив, что на него стоит посмотреть. Смотреть, любоваться, ловить его на язык и падать спиной в пышные, рыхлые сугробы. Мне был слышен доносившийся из столовой голос Черити, которая громко и с апломбом рассказывала всем, что сейчас она намерена пойти гулять, и слепит самого огромного снеговика во всём городе.

Судя по стуку ложек, остальные де Синды были слишком заняты, чтобы поддержать беседу.

Конечно же, сейчас все дети выбегут гулять. Снег, легкий морозец, ожидание нового года – что может быть прекраснее?

Решительно развернувшись, я начала подниматься по лестнице.

Навстречу мне попала Джоджо, которая несла поднос с пустыми чашками.

– Сlopал всё, – сказала он весёлым шёпотом, говоря, конечно же, о малыше Логане. – Я налила ему полную тарелку – ни капли не оставил.

– Это чудесно! – сказала я, продолжая подниматься по ступеням.

– А куда вы?.. – Джоджо застыла на том же месте, где только что стояла я, мечтая о чем-то непонятном.

– Скоро вернусь, – пообещала я ей. – Ведь надо готовить ужин.

– Точно, не забывайте про ужин, – Джоджо вытянула шею, беспокойно глядя мне вслед, – между прочим, я сегодня за вас во всех комнатах убиралась и...

Но я уже не слушала её. Взбежав на одном дыхании до чердачной двери, я распахнула её и сразу увидела Логана – он сидел на крае постели, вытянув ноги, и строгал перочинным ножичком какую-то деревяшку.

Когда я появилась, мальчик испуганно вскинул голову и вскочил, одергивая поношенную курточку с застиранным воротником. Почему-то именно этот воротник растрогал меня сейчас чуть ли не до слёз. Но я заставила себя казаться весёлой и ласково сказала:

– Послушай, Логан, мне очень нужна твоя помощь. Не мог бы ты пойти со мной? Это ненадолго.

Он долго молчал, словно обдумывая то, что услышал, а потом тихо произнёс:

– Тётя не разрешает спускаться с чердака.

– Но это же по важному делу, – ответила я очень серьёзно. – Если что, я всю вину возьму на себя. Но уверена, что тётя ничего не скажет.

Вот в этом я не была слишком уверена, но сейчас самым главным мне казалось вывести малыша с этого ужасного тёмного чердака, чтобы он вдохнул свежего зимнего воздуха и побежал с остальными детьми.

– Где твоя куртка? Шапка? Рукавицы? – я деловито нашла и то, и другое и третье, лежавшее на каких-то сундуках, выставленных вдоль стены, и принялась одевать ребёнка сама.

Он даже не сопротивлялся, но смотрел на меня так, будто я пообещала ему явление ангелов небесных.

Повязав ему шарф, я повела Логана вниз, крепко держа за руку и намереваясь победить всякого, кто встанет на нашем пути.

Но спускаясь по лестнице, мы никого не встретили. Пока Логан обувал сапожки, я тоже оделась, взяла метлу, и мы с мальчиком вышли на улицу.

После полутьмы дома пришлось зажмуриться, потому что белый свет и белый снег слепили глаза. Я посмотрела на Логана, который щурился, как новорожденный котенок и задирает голову, подставляя лицо падавшим снежинкам. Только сейчас я хорошо разглядела, какой он маленький, щуплый и бледный. Кожа у него была смуглой, и волосы торчали из-под шапки, как черные соломинки, но на щеках не играл румянец, и губы казались бескровными.

– Каждое утро я выношу золу, – заговорила я тихо, будто поверяла ему огромную тайну. – Но смотри, как быстро снег засыпал тропинку. Поможешь мне расчистить её? Я возьму лопату и пойду вперёд, а ты будешь мести следом за мной. Хорошо?

– Хорошо, – ответил он, еле шевельнув губами.

У меня не было рукавиц, но я понадеялась, что не замерзну и без них.

О да! Замерзнуть, расшвыривая снег, было бы трудно, но я тут же больно натерла ладони с непривычки. Ничего, немного можно и потерпеть.

Зато Логан орудовал метлой с таким воодушевлением, что уже обметал мне пятки.

Через четверть часа щёки у него стали красными, как осенние яблочки, и глаза заблестели.

– Передохнем немного, – мне даже не надо было притворяться – ладони горели и были такими же красными, как щёки мальчугана.

– Я не устал, – заверил он меня, шмыгая носом. – Давайте мне лопату, я сам почищу.

– Ну нет, – запротестовала я, посчитав, что такая работа слишком тяжела для мальчика. Даже мне она не доставляла удовольствия. – Я с лопатой – ты с метлой. Чтобы не замёрз – можешь пока побегать. Или слепи снеговика – смотри, какой липкий снег.

Это очень больно смотреть на ребенка, который не привык играть.

Я с трудом сдержала слёзы, глядя, как Логан неуверенно прислонил метлу к стене дома, потоптался рядом со мной, а потом так же неуверенно, оглядываясь на каждом шагу, пошёл между кустов, засыпанных снегом, явно не зная, что делать. Бросив лопату, я слепила снежок и швырнула Логану в спину – не сильно, просто играя.

Но эта забава почему-то испугала его. Он вздрогнул и оглянулся резко, как затравленный зверёк, готовый спастись бегством.

– Ты что? – удивилась я. – Это же игра...

Он показал, что понял, улыбнувшись уголками губ, ещё потоптался на месте побрел дальше – тихонько, будто стесняясь, дергая кусты за нижние ветки, чтобы с них сыпался снег.

Я готова была придушить госпожу Бониту, а заодно и её брата, к которому совсем недавно испытывала чувство благодарности. Какая благодарность, если он видит, что происходит с ребенком, как с ним обращаются, и допускает это?!

Дверь открылась, и на крыльце появились Черити и близнецы. Признаться, одеты они были не лучше Логана – в добротные, но поношенные и заплатанные курточки, явно сшитые на вырост, или доставшиеся от старших детей. На девочках – домотканые платки, какие носят крестьянки.

Остроглазая Черити тут же заметила брата и не преминула заявить своим пронзительным голоском:

– Логан спустился! Ух, ему и влетит.

Логан вздрогнул и метнулся к крыльцу, явно собираясь бежать на чердак, но я остановила его и прижала к себе. Он приник ко мне, и даже через верхнюю одежду я почувствовала, как он дрожит. Да как можно было так запугать ребёнка?!

– Он помогает мне чистить дорожку, – сказала я Черити, которая смотрела на нас во все глаза. – Это я велела ему спуститься. Логана за это никто не накажет.

– Будто бы, – выпятила девочка нижнюю губу.

Близнецы, стоя за её спиной, с интересом наблюдали за нами, не произнося при этом ни слова. Я заметила, что они сняли рукавицы с правых рук и косились друг на друга, каким-то особым образом скрещивая пальцы, а потом дружно захихикали.

– Они умеют говорить или нет? – спросила я, озадаченно.

Черити оглянулась и презрительно сказала:

– Умеют. Иногда говорят. Когда мастер Берт о чем-нибудь спрашивает.

– Вот как... – пробормотала я.

Что ж, дети не были глухонемыми – и то ладно. Но от этого они не становились менее странными.

– Ладно, мы займёмся дорожкой, – сказала я, ободряюще похлопывая по плечу Логана, жавшегося ко мне. – А ты, Черити, не хочешь к нам присоединиться? Или, может Мертин захотят помочь?

Близнецы прыснули и умчались куда-то за дом, держась за руки, а Черити, оставшись одна, сначала с обидой посмотрела вслед Огастину и Мерси, а потом – раздражённо – на нас.

– Нет, – заявила она, наконец, – я не хочу работать. Мой папа – первый богач в городе. Я не должна работать.

– Ах, вот как, – только и сказала я в ответ на это спесивое высказывание.

– Я буду лепить снеговика, – заявила Черити и соступила с крыльца в снег, который покрывал землю уже на фут.

– Хорошо, а мы тогда немного поработаем, – сказала я, с мысленным стоном берясь за лопату.

В отличие от меня Логан взял метлу чуть ли не с радостью, а Черити и правда взялась лепить снеговика – пыталась что-то катать, но промочила рукавицы и сердито застыла, стравивая снег, а потом сунула руки в рукава, пытаюсь согреться.

– Тебе помочь? – спросила я словно между делом. – Логан мог бы сделать снежный ком.

– Обойдусь, – девочка демонстративно отвернулась, постояла, а потом опять начала возиться в снегу.

– Помоги ей, – сказала я тихонечко Логану и подмигнула. – Покажи, как надо лепить снеговиков.

Он сомневался, но я забрала у него метлу и подтолкнула к сестре.

Черити взглянула на брата и повернулась к нему спиной.

– Покажи! Покажи! – крикнула я ему громким шёпотом.

У Логана получилось гораздо ловчее, чем у сестры, хотя он и был младше. Когда снежный ком стал размером с большую головку сыра, Черити соизволила посмотреть.

– Кати сюда, – велела она Логану, утаптывая снег возле крыльца, – снеговик будет стоять здесь.

Логан послушно подкатил снежный ком туда, куда указала Черити, и принялся за второй.

Вслушиваясь в командирский голосок девочки, я закрыла глаза, подставляя лицо падавшему снегу. Так и должно быть – дети играют, снег идёт, и новый год приближается. А вместе с новым годом наступит и новая жизнь.

Рокот прибоя накатывал и затихал – равномерно, не допуская ни одного сбоя. Точно так же, не допуская сбоя, пройдут дни, ночи, месяцы, весной я сяду на корабль, и море помчит меня в родные края.

Когда я была в столице, и на палубе «Звезды морей», подобные мысли действовали на меня утешающе. Они были словно колыбельная песня. А сейчас эта песня не успокоила мою душу, а растревожила. И я сама не понимала – почему появилась тревога.

Покопаться в собственных чувствах мне не дали детские вопли.

Я испуганно вздрогнула, открыла глаза и успела увидеть, как за входной дверью скрывается в доме Черити, а Логан почему-то лежит ничком на раздавленном снежном коме, весь засыпанный снегом...

Впрочем, сразу же всё стало ясно. Из-за кустов летел град снежков, и румяные мальчишеские рожицы выглядывали между заснеженных ветвей.

Детская игра! Глупые шутки!..

Я хотела сделать шалунам замечание, как вдруг раздался задорный детский крик – звонкий, с забавным грассированием буквы «р», вот только слова были вовсе не забавные:

– Бей подкидыша, гебята!

И нестройный хор детских голосов подхватил:

– Подкидыш! Подкидыш!

Снежки летели в Логана не переставая, и он даже не пытался от них скрыться – так и лежал ничком на снегу. А потом раздалось совсем другое слово – того же смысла, но гораздо, гораздо грубее! И дети точно так же подхватили его, выкрикивая весело и на разные голоса. Это подействовало на меня, как если бы мне прилетело снежком в лицо.

– В-вы что делаете?! – крикнула я, заикаясь от возмущения, изумлённая и рассерженная, и бросилась прямо под снежный обстрел. – Прекратите! Немедленно!

Пара снежков, слепленных крепко, до твердости камней, больно попали мне в плечо. Проваливаясь в снегу, я добралась до Логана и заслонила его от нападавших.

– Это тётка! Бежим! – крикнул картавый парнишка и первый бросился наутёк.

Следом за ним рванула и вся ребячья стайка – хохоча и щебеча.

Вот только мне эти детишки не показались ни милыми, ни безобидными. Это были не весёлые воробьи, а какие-то коршуны!

– Какая жестокость, какая невоспитанность, – повторяла я сердито, поднимая мальчика и отряхивая его от снега.

Логан двигался, как тряпичная кукла – не мешал мне поправлять ему шапку, куртку, но стоял, уронив руки и опустив голову.

– Какие глупые и злые мальчишки, мы непременно расскажем обо всём... – начала я и замолчала, потому что увидела, как из дома к нам бежит сам господин де Синд – без шапки, без тёплой куртки, в рубашке, жилетке и домашних туфлях.

– Вы что устроили? – спросил он так же сердито, как только что говорила я, и схватил Логана в охапку, потащив в дом. – Кто позволил вам вывести его из дома?

– Разве ребенку запрещено гулять? – я поспешила за де Синдом, едва успевая. – Мальчишки швырялись снежками...

Но он не слушал меня. В два прыжка одолел крыльцо и скрылся в доме, захлопнув дверь перед самым моим носом.

Что это значит? Мне запретили заходить? Выгнали?..

Я постояла на крыльце, а потом несмело потянула дверную ручку. Но заперто не было, и я вошла, отряхивая пальто и пристукивая каблуками, чтобы сбить снег. В прихожей было пусто, и, судя по шагам наверху, господин Тодеу тащил Логана на чердак.

– Теперь и тебе влетит, Лилибет, – услышала я голос Черити.

Девочка, которую я не заметила, войдя со света в полутемный дом, стояла рядом со мной, засунув озябшие руки в рукава.

– Тебе и Логану, – попытожила она, со значением глядя на меня. – Я говорила, что ему нельзя выходить.

– Элизабет! – загремело со второго этажа. – Зайдите ко мне, будьте любезны!

– Иди, папа зовёт. Сейчас он тебя выгонит, – Черити постаралась презрительно фыркнуть, но фыркание получилось не насмешливое, а жалобное, даже жалкое, и девочка тут же выскочила из дома, бормоча что-то про глупую Лилибет.

Но теперь её гримасы и слова меня не обманули. Пусть она не жила на чердаке, и обедать ей разрешали за общим столом – по сути, она была таким же одиноким ребёнком, как и Логан. Девочка, у которой на всё было мнение. Жаль, что не своё собственное, а чужое. Не пыталась ли она таким образом стать ближе к Ванессе, к госпоже Боните?.. Хоть к кому-то?..

– Элизабет, мне долго вас ждать? – опять раздалось на втором этаже, и я поспешно сняла пальто, скинула башмаки и в одних чулках поспешила наверх.

Дом будто вымер, не было видно и слышно даже вездесущую госпожу Бониту с её вечным брюзжанием.

Де Синд стоял на пороге своего кабинета, и когда я поднялась, зашёл в комнату, а мне ничего не оставалось, как войти следом.

– Закройте дверь, – последовал короткий приказ.

Я закрыла и медленно обернулась, не зная, что сейчас услышу. Боялась ли я, что меня выгонят, как предрекала Черити? Признаться, об увольнении я совсем не думала, хотя прежде всего надо было побеспокоиться именно об этом.

Но – нет. Мне было тревожно совсем по другой причине. Тревожно, немного стыдно, очень неловко... Я что-то сделала не так. И пусть нарушила правила этого дома из благих намерений, получилось совсем нехорошо...

– Я повел себя слишком резко с вами, – услышала я совсем не то, что ожидала услышать.

Господин де Синд отошёл к своему письменному столу и принялся перебирать бумаги, глядя на них, а не на меня.

– Прощу простить... – начала я, но он раздраженно мотнул головой, приказывая мне замолчать.

– В том, что произошло, нет вашей вины, – сказал он хмурясь. – Это я виноват. Надо было сразу рассказать вам обо всём. Наверное, вы решили, что Логан в нашей семье – кто-то вроде мальчика-с-пальчик в пещере злобных великанов?

– О... я...

– И вы решили предстать перед ним в образе волшебной птицы, которая спасёт и выведет из леса?

Тут я вмиг позабыла о неловкости и растерянности.

– Ребёнок не должен быть изгоем в собственной семье, – сказала я почти гневно. – Даже если все считают его виновным в смерти матери, неужели вы настолько же узколобы? Я не верю!

– Покажите руки, – вдруг велел он, и я опять растерялась.

– Что, простите?

– Покажите руки, – терпеливо и внятно повторил он, откладывая бумаги и, наконец-то, поднимая на меня глаза. – Ну же. Смелее. Злобный людоед не откусит вам палец, обещаю.

Ничего не понимая, я вытянула руки вперёд. К чему это, если мы говорим про Логана?

И тем более я не ждала, что де Синд осторожно возьмет меня за запястья и заставит повернуть руки ладонями вверх. Пальцы у него были мозолистые, горячие, и они держали меня так бережно... как неосторожно залетевшую в дом пойманную пташку...

– Ну и зачем вы сделали это с собой? – спросил он с мягкой укоризной.

– Что? – кажется, я потеряла способность мыслить здраво.

В голове стало пусто, а в груди, наоборот – слишком тесно, и сердце забилося, как птица в клетке, пытаюсь вырваться наружу.

– Вы себе всю кожу стёрли до кровавых мозолей. Это того стоило, Элизабет?

– А-а... – пустота в голове множилась в катастрофической прогрессии, и теперь я могла только смотреть в глаза господина де Синда, совершенно потерявшись и во времени, и в пространстве.

– Я ценю, что вы хотели помочь Логану, но не такими средствами, – он отпустил мои руки, и стало холодно, будто я по прежнему стояла на крыльце в своем продуваемом всеми ветрами пальто. – Позвольте позаботиться о вас, – он открыл один из ящиков стола и достал деревянную шкатулку.

Словно во сне я наблюдала, как де Синд достает бинты, откупоривает пузырёк, прикусив пробку крепкими белыми зубами, потом наносит на кусочек ткани какую-то мазь, пахнущую еловой свежестью, и... продолжала держать руки на весу, ладонями вверх.

– Так получилось, – господин де Синд начал смазывать мои ладони, касаясь ранок бережно, отчего я даже не чувствовала боли, – так получилось, что про мою жену ходили некрасивые слухи. Я не хотел бы их вам повторять. Но некоторые предпочитают травить Логана, потому что моя жена умерла, и ей уже ничего не предъявишь.

– Не совсем поняла вас... – начала я, но он опять тряхнул головой и нахмурился, и я замолчала, предоставив говорить ему.

– Некоторые не считают Логана моим сыном, – продолжал де Синд, смазав мои ладони мазью и начиная накладывать бинты, – потому что мою жену называли прелюбодейкой. Так достаточно ясно? – он затянул узелки с преувеличенной тщательностью, а потом поднял на меня взгляд: – Или сказать ещё яснее? Некоторые считают, что жена мне изменила, и от её связи с другим мужчиной родился Логан.

Он дал мне время осознать эту новость и вернулся к столу, убирая шкатулку с лекарствами и бинтами. Под тонкой тканью рубашки так и бугрились мускулы. И жилетка очень соблазнительно обтягивала мощную широкую спину. Зверь, а не человек. Хищный зверь, но

такой мягкий на вид. Впрочем, лев ведь тоже сродни кошкам, а милее кошек никого на свете нет... Пока они не покажут когти и зубы...

– Простите, я не знала, – сказала я, немного приходя в себя, и спрятала руки за спину.

Боже, как глупо вот так стоять и тарашиться на мужчину. Хорошо, что он не замечает моего интереса. А ведь меня должно волновать совсем другое... Логан – этот ребенок, при взгляде на которого слёзы сами наворачивались на глаза... Вот какая его тайна – грех матери. А может, никакого греха не было? Всего лишь сплетни? Да, малыш не слишком похож на крупного и светловолосого отца. Но мало ли детей, которые не похожи ни на мать, ни на отца? Может, Логан пошёл в дедушку, бабушку, да в троюродную тётю, к примеру...

– Вы думали, ребёнка не выпускают, потому что мы тут такие чудовища, – де Синд с преувеличенной аккуратностью закрыл ящик стола и теперь крутил кольцо-печатку на пальце. – Вы ведь даже подумать не могли, что это сделано ради его блага. Я ценю, что вы пытались расшевелить Логана, но не надо, Элизабет. Оставьте порядки этого дома такими, как есть. Не пытайтесь слишком сильно изменить здесь жизнь.

– Но ваша сестра... – начала я, опять краснея, но на этот раз не от смущения, а от возмущения.

Оставить как есть?! Да пусть Логан – хоть трижды дитя блуда, он не должен расплачиваться за грехи матери!

Но де Синд в очередной раз не дал мне договорить.

– Вам может не нравится Бонита, – произнес он, чуть повысив голос, – но последние семь лет именно она была с детьми. Пусть моя сестра – не идеал доброй нянюшки, но ближе её у детей никого нет. Вы пришли, вы уйдете, а она останется. Прошу, не нарушайте порядки этого дома слишком сильно. Потому что... – он помолчал и добавил, будто через силу: – потому что когда вы уйдете, нам снова придется жить без вас.

Я ждала гневной отповеди, упрёков, обвинений, даже увольнения, наконец, но никак не ждала таких вот слов. Похожих на... признание. И в то же время ни на что не похожих.

– Всё, – человек-лев встряхнул гривой и кивнул в сторону двери. – Можете идти.

Повернувшись, я машинально пошла к выходу, но потом вернулась.

– В чем дело? – спросил де Синд и привычно потянулся к бумагам.

Как будто хотел за ними спрятаться.

Спрятаться? От меня?.. Миэль, ты точно сходишь с ума.

– Прошу прощения... – сказала я с такой же осторожностью, с какой он обрабатывал мазью мои ладони. – Вы сказали «некоторые считают». В числе этих некоторых... и некоторые ваши дети? Верно?

– Увы, не все мои дети обладают такими добродетелями, как терпение и прощение, – сказал он уже с некоторым раздражением. – Возможно, никто из моих детей ими не обладает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.